

Константин Ерусалимский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Прошлое и настоящее «предобрых русских княжат»

Социальная память, если следовать в русле исследований Мориса Хальбвакса, складывается из образов и практик, поддерживающих в каком-то виде общее прошлое как актуальное настоящее и устраняющих из социального опыта травматические переживания в прошлое как поле деятельности историков. Картины прошлого, наряду с *тотемия* и мнемотехниками, обретают локальное измерение по мере того, как исследователи обращаются от большого коллективного времени к малым «местам памяти» в микрообществах, в узких хронологических пределах, в индивидуальном творчестве¹. В этой работе рассматривается историческая память и тесно связанное с нею социальное самосознание А.М. Курбского. В наши задачи не входит изучать степень актуальности его историко-социальных выкладок для тех или иных русских земель, но, как представляется, его взгляды на прошлое и настоящее «Русской земли» не должны оставаться на обочине современных дискуссий о теоретической оснащенности и социальных концептах русских обществ². На Курбского как интеллектуала накла-

дывает отпечаток его двукультурие, лингвистические и историографические дарования, позволяющие ему на примерах из прошлого русских земель и своего собственного жизненного пути сформулировать – хотя не всегда достаточно отчетливо – свои социальные идеалы³.

А.М. Курбский редко обращается к историческим экскурсам в далекое прошлое Русской земли. А в тех случаях, когда он это делает, он выбирает яркие иллюстративные сюжеты, подкрепляющие его взгляды на современность. Так же поступает в своем Первом Послании Курбскому Иван Грозный, представляя прошлое московской власти в жанре пространного изобличения зла и измены⁴. Знания по русской истории у Ивана IV и Андрея Курбского, отличающаяся в чем-то диаметрально, содержат много общего, в том числе общий багаж летописных известий, которые были им обоим доступны и знакомы. Ссылки на письменные источники по древнерусской истории у Курбского крайне скупы. Трижды встречаются ссылки на русскую летописную книгу в «Истории о князя великого Московского делех», на какую-то русскую летописную книгу есть ссылка в «Истории о осьмом соборе», а в переписке с царем

¹ См.: Halbwachs M. The Collective Memory. – N. Y., 1980; Nora P. Les Lieux de Memoire. P., 1984-1992. Vol. 1-7; Йерушалми Й.-Х. Захор («Помни»): Еврейская история и еврейская память. – М., 2004; Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. – München, 1992. См. новейшую литературу в сборниках: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. – М., 2003; Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. ст. / Ред. колл. И.В. Нарский, Ю.Ю. Хмельевская и др. – Челябинск, 2004.

² Кинан Э.Л. Проблема Московии. Некоторые наблюдения над проблемами сравнительного изучения стиля и жанра в исторических трудах / Пер. с англ. В.А. Кадик, А.И. Плигузов // Архив русской истории. – М., 1993. Вып. 3. – С. 187–208; Kollmann N.S. Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. by S.H. Baron, N.S. Kollmann. DeKalb, 1997. – P. 34-51; Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). – Paris, 2001.

³ См.: Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX – середины XVI века // Соціум. Альманах соціальної історії. – Київ, 2005. – Вип. 4. – С. 71-100.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. – М., 1993 (далее – ПИГАК). – С. 26 (л. 312) и далее.

Иваном Курбский говорит о русских летописях во множественном числе. Интересующие нас более других ссылки в «Истории о князя великого Московского делех» относятся к взятию Казани, князьям Суздальским и митрополиту Петру⁵.

Далее мы попытаемся установить возможные источники Курбского, но эта проблема затрудняется тем, что, во-первых, он не цитирует, а только глухо ссылается на летописные известия, во-вторых, в переписке с Иваном IV Курбский ссылается на летописцы русские и, следовательно, в других случаях также может подразумевать какое-то число летописей, а не части одного определенного текста⁶.

В ссылке из повести о взятии Казани речь идет о веже, построенной русским войском в течение двух недель для обстрела Казани. Курбский сообщает детали, которых нет ни в одном известном нам официальном тексте о взятии Казани, но само сообщение о строительстве «великой башни» «на рве у града Казани» в общем для летописей, сходных с Летописцем начала царства, отрывке об осадных работах под присмотром царя читается в сводах 1550-х

годов и Казанском летописце (по списку типа НИОР РГБ Ундольский-774)⁷. Сравнение «Истории о осьмом соборе» Курбского с «Историей о разбойничьем флорентийском соборе» Клирика Острожского, проведенное В. В. Калугиным, показывает, что ссылка Курбского на летописную русскую книгу избыточна, поскольку не подкрепляется ни одним из известных ныне летописных сводов и наилучшим образом отвечает общему источнику Курбского и Клирика Острожского⁸.

Примером краткого рассказа, раскрывающего представления Курбского о передаче власти на Руси, может служить мартирий княжат Суздальских в «Истории». Они возводятся к Владимиру I («от роду великого Владимира»⁹). Более 200 лет «была на них власть старшая [*глюсса*: большая] руская между всеми княжаты»¹⁰, то есть, отсчитывая от правления Владимира Всеволодовича (Ростовское княжество Юрия Владимировича создано еще при жизни его отца¹¹), приблизительно до времени Михаила Ярославича Тверского и Юрия Даниловича Московского¹². Курбский специально останавливается на каком-то князе Андрее

⁵ Курбский А.М. История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). – СПб., 1913 (далее: Ист–номер столбца / строки). Стб. 33/18–19, 121/35–36, 153/9–11; Freydanck D. A.M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie // Orbis mediaevalis. Festgabe für Anton Blaschka zum 75 Geburtstag am 7 Oktober 1967. – Weimar, 1970. – S. 62.

⁶ ПИГАК. – С. 109 (л. 144–144 об.).

⁷ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 29. – С. 97–99 (л. 274–280); М., 2000. – Т. 13. – С. 206–208; СПб., 1914. – Т. 20. – Ч. 2. – С. 518–521 (л. 734 об.–739); СПб., 1903. – Т. 19. – Стб. 424–425 (л. 130–131).

⁸ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). – М., 1998. – С. 293. Прим. 6. В.В. Калугин показывает, что сюжет о спасении русских иерархов после Флорентийской унии у немецкой вдовы содержится в поздней версии жития Сергия Радонежского. Но, во-первых, сомнительно, что Курбский летописной русской книгой мог назвать житие, соответствующая редакция которого не входила в состав текста летописного жанра; во-вторых, житийный сюжет ничем не дополняет предполагаемый общий источник Курбского и Клирика Острожского и находится в неясных текстологических отношениях с этими текстами. В своей рецензии на книгу В.В. Калугина В. Зема предлагает прямую зависимость «Курбского» от печатной «Истории» Клирика Острожского 1598 г. – см.: Зема В. Справа віри [Рец: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный...] // Київська Старовина. – 2001. – № 3. – С. 194–197; його ж. Між апокрифом та історією (Флорентійська унія в православній полеміці) // А се его сребро: Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. – Київ, 2002. – С. 219. Для наших наблюдений важна амплификация Курбского о летописной книге по сравнению с острожским изданием. Однако выводы украинского исследователя о направлении зависимости двух текстов нельзя признать убедительными. И вот почему. Во-первых, В. Зема признает зависимость «Курбского» от «Палинодии» Захарии Копыстенского, опиравшегося в рассказе о Флорентийской унии на источник, изданный в Кракове в 1609 г., – но не приводит никаких аргументов в пользу своей гипотезы, кроме упоминания у Курбского некоего виленского субдиакона. Во-вторых, в текстологическом анализе сходных отрывков «Курбского» и Клирика Острожского В. Зема ни разу не поясняет, почему зависимость первого от второго необратима и гипотеза Ф.И. Делекторского исключена. В-третьих, построение В. Земы нуждается в объяснении того факта, что «История о осьмом соборе» входит в состав «сборника Курбского» ОР ГИМ Уваровский-301 и его нисходящей традиции в разделе литовской корреспонденции и переводов А.М. Курбского.

⁹ Ист-121/27-28.

¹⁰ Ист-121/28-30; НИОР РГБ. Собр. Н.С. Тихонравова. № 639 (далее – Т-639). Л. 523 об.; ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 301 (далее – У-301). Л. 83 об.

¹¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. – С. 72–73.

Суздальском, который владел Волгой рекой «аж до моря Каспийского»¹³. С глухой ссылкой на «летописную книгу рускую» в «Истории» предлагается загадочная версия о том, что от кн. Андрея Суздальского происходят ве-

ликие княжата Тверские¹⁴. Эта ошибка может быть объяснена как недостатками памяти автора, так летописными данными и современными А. М. Курбскому генеалогическими тенденциями¹⁵. В летописях, отразивших свод

- ¹² Б.Н. Флоря привлекает размышление Курбского для обоснования того мнения, что «род суздальских князей... среди княжеских родов потомков Рюрика занимал почетное первое место» (Флоря Б.Н. Иван Грозный. – М., 1999. – С. 193; см. также: Маркевич А.И. О местничестве. – Киев, 1879. – Ч. I. – С. 218; Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – С. 240–241). Однако Курбский ни прямо, ни косвенно в «Истории» не отстаивает первенство князей Суздальских применительно к современности. Их добродетели, богатырские подвиги Ивана Крепкого Лука и давнишняя власть не возвышают их над другими князьями. В мартиролагах их раздел помещен после раздела не менее могущественных Оболенских, а святым предком Суздальских Курбский не может назвать никого (и, хотя возможны другие объяснения, не поэтому ли «припоминает» неясное происхождение княжат Тверских от «Андрея Суздальского», создавая преемственность между домонгольской общерусской властью и святой властью эпохи монгольского господства?).
- ¹³ Т-639, л. 523 об.; Ист-121/32-33. Это гипербола, аналог которой встречается в прославлении Александра Невского «от моря Варяжского и до моря Понтеского, и до моря Хупожьского...» (ПСРЛ. – СПб., 1913. – Т. 18. – С. 65 (л. 105)). Но в «Истории» А.М. Курбского перед нами не просто риторический троп, а неотъемлемый элемент политических идеалов автора. Один из результатов правления избранной рады – возвращение поволожских земель России: «пределы расширяша царства христианского аж до Каспийского моря и окрест, и грады тамо христианские поставиша, и святые олтари воздвигоша и многих неверных к вере приведоша» (Т-639, л. 551; У-301, л. 132; Ист-192/24-29). А.Л. Хорошкевич заметила, что «трудно сказать», о каких городах здесь идет речь (Хорошкевич А.Л. «Град» и «место» в «Истории о Великом князе Московском» А.М. Курбского // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй науч. конф. (Москва, 7-8.12.1999 г.). – М., 2001. – С. 291). В Среднем Поволжье, видимо, подразумеваются, помимо Свияжска, Чебоксары, Алатырь, Лаишево, Тетюши и др. (Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI – начало XIX в. – М., 1990. – С. 182–183). Некоторую ясность можно также внести, если учесть, что Курбский в рассказе о походе И.М. Вешнякова и кн. Ю.И. Пронского Шемякина локализует Астраханское ханство «близу Каспийского моря» (Ист-78/1-2). Близость к «Хвалимскому морю» завоеванной Астрахани подчеркивалась в официальных московских рассказах о владениях царя Ивана IV (РГАДА. – Ф. 78 (Сношения России с римскими папами). Оп. 1, кн. 1, л. 51 об.-52, 73 об.-74; Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп., кн. 13, л. 258-258 об.; кн. 14, л. 557 об.-558, 626 об.-627). Легитимность подчинения Астрахани Курбский объясняет иначе, нежели это делалось в официальной летописи, отождествляющей Астрахань с русской Тмутараканью (ПСРЛ. – Т. 13. – С. 235–236).
- ¹⁴ Ист-121/33-36, 134/31-32. Крайне сомнительно предположение Д.Л.И. Феннела и В.В. Калугина, что так мог быть назван и кн. Андрей Боголюбский: для этого нет оснований в текстах Курбского и не известно ни одного сходного родословия суздальских князей (Hist-185. n. 7; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 293. Прим. б). В Комиссионном списке Новгородской Первой летописи 1440-х годов и летописи Авраамки середины 1490-х гг. Суздальские князья ведутся от Андрея Александровича Городецкого (ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 3. – С. 468 (л. 12); ПСРЛ. – Т. 16. – Стб. 311). Но в Медоварцевской редакции Сказания о князьях владимирских 1526/27 г. и во вступительных статьях к Воскресенской летописи только сын Ярослава Всеволодовича записан (после Александра Невского) как «Андрей суздальский», тогда как сын Александра Невского записан только как «Андрей» (Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание. – М., 1989. – С. 27 (л. 392 об.); ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 7. – С. 236). В родословных росписях XVI в. Горбатые-Шуйские возводились к сыну Ярослава Всеволодовича Андрею, князю Суздальскому, а не к Андрею Александровичу, князю Городецкому (напр.: РГАДА. – Ф. 196 (Ф.Ф. Мазурин). Оп. 1, д. 240, л. 35 об.; Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России... – С. 52-53).
- ¹⁵ По предположению Д. Домбровского, именно Андрея Ярославича Суздальского под именем «Andrey Jarosławicz» включает в число князей Витебских неизвестный автор текста «A se jest radoslowle, kniazey Wytbskich», изданного в приложении к публикации хроники Быховца Теодором Нарбутом. Подлинность этого памятника не может не вызвать подозрений: даты переведены на летоисчисление от Р. Х., князья указаны без титула, нет побочных ветвей «рода», в тексте не менее четверти данных ничем не подтверждается. Отвлекаясь от вопроса о происхождении «Родословия», необходимо отметить, что его автор придерживается династической последовательности и определяет происхождение этого Андрея Ярославича не от Ярослава Всеволодовича, а от Ярослава Изяславича (о котором другие источники ничего не говорят). Но гипотеза Д. Домбровского опирается на дату смерти князя из «Родословия» (1265 г.), которая приблизительно соответствует принятой дате смерти Андрея Ярославича Суздальского в московском летописании XV века, и на упоминание в публикации Т. Нарбута жены Андрея Настасьи Даниловны, возможно, дочери Даниила Романовича Галицкого. К этому следует добавить, что следующий за Настасьей Василий Андреевич также не встречается в раннем летописании, зато не ранее XVI века известен как раз в родословных росписях князей Суздальских (см. предыдущее прим.). Вероятно, составитель родословного опуса пытался возвести княжескую власть в Витебске по одной из линий к Владимиру Святославичу Киевскому именно через суздальских князей (Dąbrowski D. Radoslowle kniazey Wytbskich – analiza porównawcza treści // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. – 2002. – Т. 14. – S. 31-69, особенно с. 46-52, 61-69; Idem. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. – Poznań; Wrocław, 2002. – S. 147-149).

начала XIV в., названо 6 выживших после монгольского нашествия сыновей Ярослава Всеволодовича: «Олександр, Андреи, Костянтин, Офонасии, Данило, Михаило»¹⁶. Современники Курбского испытывали трудности при определении среди них основателя тверской династии. Под 6746 годом Никоновская летопись упоминает 8 сыновей: «Александра Невскаго, Андрея Суздальскаго, Константина, Афонасиа, Данила, Михаила, Ярослава Тверскаго, Василиа»¹⁷. Появление здесь имен Ярослава и Василия – плод осмысленной редакторской правки («осмь сынов его»¹⁸), которая объясняется неосведомленностью летописца о христианском имени первого (Афанасий) и дате рождения второго (6749 г.)¹⁹. Ошибочное раздвоение личности князя Афанасия-Ярослава перешло в Родословец, в котором, впрочем, указывалось, что от Ярослава «пошли тверские князи»²⁰. Ссылка Курбского на летопись позволяет предположить, что он или его источник столкнулся с аналогичной трудностью. Ошибка в генеалогии тверских князей также может быть объяснена тем, что Курбский спутал родных братьев (Андрея и Афанасия-Ярослава)²¹.

Один из упреков, брошенных в «Истории» царю, касается преследования им священнослужителей. Покушение на сан и жизнь митрополита Филиппа – неслыханное беззаконие, и Курбский не удерживается, чтобы напомнить Грозному «повесть свежую или не зело давнюю, устами твоими часто произносимую, о святом Петре сущую, руском митрополите, на преключшуюся ему лжеклевету от тверского епископа прегордаго. Тогда, услышав сие, все велицы княжата руские не дерзнули разсмотреть между епископов или судити священником; бо абие послали ко патриарху Константинопольскому о ексарха, да разсмотрит или разсудит о сем, яко пространнейшее пишет в летописной книзе руской о сем»²². Собор в Переяславле-Залесском (около 1310 г.) рассматривал обвинения в симонии, выдвинутые вел. кн. Михаилом Ярославичем Тверским и тверским епископом Андреем против митрополита Петра²³. Трудно судить по имеющимся обрывочным данным о съезде, о единодушии каких «великих княжат» могла идти речь²⁴. Ссылка Курбского на летопись только затрудняет вопрос, так как в официальном летописании времени Ивана Грозного отрывок о соборе появляется под вли-

¹⁶ ПСРЛ. – М., 1997. – Т. 1. – Стб. 469 (л. 164), 521 (л. 244 об.); Пг., 1922. – Т. 15. – Стб. 373; Т. 18. – С. 60; М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 129 (л. 160 об.); М., 2001. – Т. 7. – С. 143; СПб., 1910. – Т. 20. – Ч. 1. – С. 158 (л. 217 об.); СПб., 1908. – Т. 21. – Ч. 1. – С. 263 (л. 443 об.) и др.

¹⁷ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 10. – С. 113.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С. 118. Во вступительной статье к Симеоновской летописи («Князи Русские») у Ярослава названо 9 детей – Федор, Александр Невский, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил, Ярослав, Василий (ПСРЛ. – Т. 18. – С. 24 (л. 7 об.)). Появление Ярослава здесь также следствие ошибки.

²⁰ Цит. по: РГАДА. – Ф. 196, оп. 1, д. 240, л. 35 об.

²¹ В московской официальной идеологии начала 1560-х гг. XVI в. личность великого князя Андрея Ярославича была переосмыслена – уже в Чудовском и Томском списках Степенной книги он наделяется отрицательными качествами в сравнении с Александром Невским (ПСРЛ. – Т. 21. – Ч. 1. – С. 289 (л. 482 об.); Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. – СПб., 1913. – С. 154–155; [Тексты]. С. 90–91; Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы. – СПб., 1995. – С. 164, 169; Сиренов А.В. Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. – СПб., 2000. Вып. 3. – С. 262–266, 270–275, 279–283; ср.: Mäki-Petäys M. Warrior and Saint. The Changing Image of Alexander Nevsky as an Aspect of Russian Imperial Identity // Imperial and National Identities in Pre-revolutionary, Soviet, and Post-soviet Russia / Ed. by C.J. Chulos, J. Remy. – Helsinki, 2002. – P. 62–63).

²² Ист-152/22 – 153/11; У-301, л. 105–105 об.; Т-639, л. 535 об.; см. также: Det Kongelige Bibliotek Kshbenhavn. Ny Kongelig Samling. № 327 (далее: К-327). – Л. 69; Государственный архив Ярославской обл. Коллекция рукоп. Оп. 1. – № 10 (далее: Я-10). Л. 131.

²³ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – СПб., 1876. – С. 96–97; Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. – М., 1998. – С. 98–99; Кучкин В.А. Источники «написания» мниха Акиндина // АЕ за 1962 год. – М., 1963. – С. 60–68.

²⁴ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 190. Нет оснований считать, что в отрывке о митрополите Петре у А.М. Курбского проявилась «простая забывчивость» или, как полагает В.В. Калугин, умыленное изменение фактов автором «Истории». Во-первых, Курбский указывает на инициативу епископа Андрея Тверского. Во-вторых, в пространной редакции жития митрополита Петра подчеркивается участие князей в деле митрополита. В-третьих, кн. Андрей Михайлович ссылается на устные высказывания царя Ивана, то есть перед нами не факт цитирования жития, а факт его рецепции.

янием жития митрополита Петра и во всех случаях бегло сообщается о разногласиях между князьями²⁵.

Излюбленный сюжет московских князей, символизирующий превосходство над политическими противниками, Курбский обращает против царя, ссылаясь на пространный рассказ в летописи, текст которой ближе к Степенной книге²⁶.

Особое внимание Курбский уделяет своим ближайшим родственникам – князьям Ярославским. В предисловии к Новому Маргариту он упоминает гибель своей семьи (матери, жены и сына) и братии «единоколенных княжат Ярославских»²⁷, в «Истории» князей С.Ф. Курбского и И.И. Кубенского производит «с роду княжат Смоленских и Ярославских»²⁸. Под «княжатами» в последнем случае мог пониматься только кн. Федор Ростиславич, который в Первом Послании Курбского Грозному выступает заступником эмигранта²⁹. Грозный в своем ответе допустил открытую насмешку над святым: «И князь Федор Ростиславичь прародитель ваш, в Смоленце на пасху колики крови пролиал есть! И во святых причитаются!»³⁰. Курбский не сдерживал свое негодование. Во второй редакции его Первого Послания, подготовленной для повторного отправления в Москву³¹, появилось описание чудесной и целительной силы мощей князя Федора Ростиславича³². А в Третьем Послании Грозному появился экскурс в историю русских межкняжеских отношений. Курбский говорит, что не мог покушаться на жизнь своей родственницы ца-

рицы Анастасии, поскольку рожден от благородных родителей «от пленицы же великого князя Смоленского Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добре веси от летописцев русских, иже тое пленицы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити, яко есть некоторым издавна обычай, яко первые дерзнул Юрей Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие сущие во свежей еще памяти и пред очима. Что Углецким учинено и Ерославичом и прочим единые крови?»³³. Упомянутые Курбским события – это убийство великого князя Михаила Ярославича в 1318 г. в Орде при содействии князя московского Юрия Даниловича, заточение князя углецкого Андрея Большого Васильевича в сентябре 1491 г., заточение князя боровского и серпуховского Василия Ярославича 10 июля 1456 г. в Угличе (умер «в железех» зимой 1482–1483 г.)³⁴.

В княжеском мартирологе «Истории» «братия» Курбского княжата Ярославские определяются «от роду княжати Смоленского, святого Феодора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха»³⁵. Здесь появляется еще один рассказ из русского прошлого. Среди побитых назван кн. Федор, внук «славнаго князя Феодора Романовича, яже прадеду того царя, губителя нашего, в орде будучи, – даже еще в неволи были княжата руские у ординского царя и от его руки власти приимовали, – помог: за его попечением на государство свое возведен быти»³⁶. Среди внуков кн. Федора Романовича речь в данном случае может идти только о

²⁵ В пространной редакции жития говорится, что «велику мятежу бывшу о лжывом и льстивом оклеветании на святого», а в Степенной книге с собором связан «мног мятеж» «во князех руських». – См.: ПСРЛ. – Т. 21. – Ч. 1. – С. 316 (л. 523 об.–524), 326–327; ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 10. – С. 192; Клосе Б.М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. – М., 2001. – С. 29 (л. 455 об.–456), 41 (л. 228–229 об.).

²⁶ Ср.: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 183.

²⁷ Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbüttele Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach (далее – NM). – Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 3v/10.

²⁸ Ист-3/26 – 4/2, 7/13–22.

²⁹ ПИГАК. – С. 8 (л. 7 об.); Lenhoff G. Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. – Wiesbaden, 1997. – P. 164–168.

³⁰ ПИГАК. – С. 19 (л. 304 об.).

³¹ Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского: проблемы хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 2004. Вып. XI. – С. 605–606.

³² ПИГАК. – С. 10 (л. 135 об. – 136).

³³ Там же. – С. 109 (л. 144–144 об.).

³⁴ В «Истории» Курбский подробнее комментирует эти политические процессы, а также дела князей Михаила Андреевича Белозерского и Верейского и С.И. Ряполовского, вел. кн. Дмитрия Ивановича (Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennell. – Cambridge, 1965 (далее – Hist – номер страницы). – P. 168–171).

³⁵ Ист-123/33–37.

³⁶ Ист-124/9–17; У-301, л. 85 об.–86; Т-639, л. 524 об.; К-327, л. 57; Я-10, л. 107 об.; см. также Ист-146/37 – 147/5.

кн. Ф.А. Аленкине³⁷. Рассказ о «попечении» относится к каким-то событиям времен Василия Темного, но не находит параллельных упоминаний. Вряд ли перед нами фантазия или обман. Курбский заинтересован в наглядном и известном примере, ведь он вспоминает этот случай, чтобы показать, что князья Ярославские никогда от прародителей Грозного «не бывали отступни в бедах и в напастях их»³⁸.

Об обычае Московских князей «тела своего ясти и крови братии своей пити» почти дословно сходно с Третьим Посланием Грозному говорится в «Истории» в рассказе жития Феодорита о поимке северского князя Василия Ивановича Шемячича в апреле 1523 г.: «яко обычаи есть Московским князем здавна желати братей своих крови и губити их убогих ради и окаянных отчизн»³⁹. Отца, мать и деда царя, как и его самого, Курбский называет в «Истории» «кровопийцами»⁴⁰. В устной беседе с царем он слышал, как тот хвалился: «Аз, рече, избивенных от отца и деда моего одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинне избивенных праведных»⁴¹. Вспоминая эту беседу, князь утверждает в убеждении, что московские князья издавна бесчеловечно уничтожают своих братьев и сестер. В расправе

с верными слугами московским князьям помогают их жены-чужестранки, которых Курбский представляет виновницами разрушения русского правящего дома⁴².

В числе слуг русского царства у Курбского объединяются три группы князей – Рюриковичи, Гедиминовичи и «княжата Решские». Употребление в «Истории» княжеского титула свидетельствует о том, что князьями Курбский называет только представителей первых двух групп. Среди прочих представителей знати он выделяет несколько родов. Промежуточное положение, между князьями и «великими панами», занимают, прежде всего, П.П. и М.П. Ховрины (Головины). Об их гибели говорится в княжеском мартирологе в записи о кн. А.Б. Горбатом и его сыне⁴³. Это, конечно, можно было бы объяснить тем фактом, что Ховрины казнены 4 февраля 1565 г., примерно одновременно (у Курбского «того же дня») с Горбатыми⁴⁴. Но нельзя не учитывать известное Курбскому их греческое «зело благородное» происхождение и замужество сестры казненного Настасьи Петровны за А.Б. Горбатым («шурин его Петр Ховрин») ⁴⁵.

Неординарное место в составе мартирологов занял также рассказ об И.П. Федорове-

³⁷ Редкие источники по истории России / Под ред. А.А. Новосельского, Л.Н. Пушкарева; Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. – М., 1977. Вып. 2. – С. 29 (л. 597), 102 (л. 37 об.); Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в. – М., 1988. – С. 83–84; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. – М., 1995. – С. 22–23, 38, 73, 80. Недоразумение у М.Е. Бычковой: Курбский не говорит о связях Львовых с Федором Романовичем. В «Истории» дважды, сначала в княжеском, а затем в боярском мартирологе, упомянуты Аленкины – отец Федор и сын Андрей (ср.: Бычкова М.Е. Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А.М. Курбского // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 221; Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: История и перспективы. – М., 2004. – С. 52).

³⁸ Ист-124/20-27.

³⁹ Ист-166/13-17; Т-639, л. 540 об.; У-301, л. 115 об.; см. также: ПИГАК. С. 109 (л. 145).

⁴⁰ Ист-111/31, 143/2-3, 147/14-15.

⁴¹ Ист-113/18-22.

⁴² Под влиянием Софьи Палеолог отравлен Иван Иванович Молодой, а «царь» Дмитрий Иванович посажен в темницу «с материю его святою Еленою» (Hist-168–169). «Законопреступная жена» Василия III Елена Глинская с помощью чародеев родила одного сына прелютного кровопийцу и погубителя отечества, «а другой был без ума и без памяти и безсловесен, тако же аки див якой родился» (Hist-4–8, 200–202). Она же вместе со злыми советниками выполнила завет мужа убить кн. Юрия Дмитровского и погубила своего дядю М.Л. Глинского, «обличающе ее за беззаконие» (Hist-200, 190). – См. также о гендерных представлениях А.М. Курбского: Ерусалимский К.Ю. История одного развода: Курбский и Гольшанская // Соціум. Альманах соціальної історії. – Київ, 2003. Вип. 3. – С. 157–158.

⁴³ Ист-121/19-24.

⁴⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 240, 257, 264. Прим. 121; Зимин А.А. Опричнина. – М., 2001. – С. 320. Прим. 24. Критика А.А. Зиминым «сообщения Курбского» о том, что «А.Б. Горбатый был казнен «тогда же», когда и В. Курлятев» (Зимин А.А. Опричнина. – С. 320. Прим. 30), скорее всего, несправедлива: «тогда же» относится не к упоминанию кн. В.К. Курлятева, а ко всему разделу Оболенских, начатому казнями Д.Ф. Овчинина, М.П. Репнина и Ю.И. Кашина, то есть разница между казнями оказывается не в несколько лет, а в один месяц. Данная интерпретация опирается как на «клановое» построение княжеского мартиролога, так и на особенность раздела Оболенских, не привлекающую внимание А.А. Зимина: после заметки об убийстве Кашина хронология событий сбита, и, в целом, «тогда же» может относиться не к предыдущему «потом», а к еще более ранней записи о синхронных февральских событиях 1565 г.

⁴⁵ Ист-121/20. Р.Г. Скрынников и А.А. Зимин называют П.П. Головина «гестем» А.Б. Горбатого (Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 257; Зимин А.А. Опричнина. – С. 91, абзац 1; ср.: с. 91, абзац 2).

Челяднине. В первоначальном виде текста он находился после завершения княжеского мартиролога и до начала боярского и дворянского, причем этот отрывок одновременно предшествовал новому разделу и начинал его⁴⁶. Московские переписчики «сборников Курбского» устраняли противоречие, не обращая внимание на то, что боярин Иван Петрович входил в княжеский родственный круг А.М. Курбского⁴⁷. На фоне разгрома имений Ивана Петровича опричниками в «Истории» рассказывается о гибели представителя «князей Решских» И.Б. Колычева и травле «стрыя» (дяди по отцу) последнего – митрополита Филиппа⁴⁸. Федоров принадлежал к обширному придворному клану, матримониальные связи внутри которого были известны А.М. Курбскому: его двоюродный дед С.Ф. Курбский, вызвавший в начале «Истории» хвалебное отступление со ссылкой на общее мнение, был женат на сестре жены И. П. Федорова, и обе они были дочерьми В. А. Челяднина (на его племяннице был женат кн. Д.Ф. Бельский) и сестры И.Ф. Телепнева-Оболенского; в то же время мать Ивана Петровича была до-

черью кн. Семена Романовича Ярославского, то есть приходилась троюродной сестрой деду А.М. Курбского⁴⁹. Не воспринимал ли автор «Истории» боярина-конюшего Ивана Петровича как своего ближайшего родственника? То, что это так, доказывается подробным рассказом о его жене Марии, «стрыечной сестре» кн. Федора Овчинина, по первому браку княгине Дорогобужской (около половины всего раздела об И.П. Федорове-Челяднине)⁵⁰. Непитутулованный боярин окружен родственниками-князьями. Причастность к данному клану Д.И. Пушкина («единоплемяннен же бе Челядниным»⁵¹) и Бутурлиных («сродницы же бяше оному предреченному Иоанну Петровичю»⁵²) фиксируется без иерархических расчетов, а скорее как указание на причины гонений против них.

Связующим звеном между княжескими домами были Морозовы⁵³. Генеалогия Морозовых заметно удревнена в «Истории» по сравнению с версией родословных книг: их предок Мисса (Миша) якобы вышел «из немец, вкупе с Гериком [гlossen: Рюриком], прародителем рус-

⁴⁶ Т-639, л. 528 об.–529; У-301, л. 93–93 об.; ОРПК ЦНБ Харьковского государственного университета. № 168/с (далее – Х-168). Л. 95–95 об. Перед рассказом об И.П. Челяднине Курбский подвел итог княжескому списку фразой «Сих, еликих памятью могл обяти, написах о княжецких родех». Затем в архетипе «Истории» следует киноварная заставка «О убийнии Иоанна Петровича Челяднина», после которой вступление «О великих же панов родех, а по их о боярских, аще ми елико Господь память подаст, покушусь написати» (Т-639, л. 528 об.; У-301, л. 93; Х-168, л. 95; ср.: Ист-134/14-23). Закончив историю расправы над Федоровыми, автор «Истории» вторично оговаривает предмет нового повествования, но на этот раз в специальной заставке «О великих панов или о боярских и о шляхетских родех» (Т-639, л. 529; У-301, л. 93 об.; Х-168, л. 95 об.; ср.: Ист-135/18-20).

⁴⁷ Близкий к московским высшим церковным кругам конца XVII в. составитель сборника с третьей пространной редакцией «Истории» устранил вторую заставку и расширил первую за счет соединения заставки источника со вступлением, после чего личность И.П. Челяднина оказалась центральным сюжетом всего второго мартиролога (К-327, л. 61 об.–62; Я-10, л. 116–117). Составитель второй пространной редакции «Истории» заменил вторую заставку на «О Иоанне Шереметеве», на месте первой заставки написал «О побиении боярских и дворянских родов», а первоначальный текст первой заставки преобразовал в глоссу (Ист-134/14 – 135/20; ОР ГИМ. Синодальное собр. № 136. Л. 81–81 об.; РГАДА. – Ф. 181 (РОБ МГАМИД). Оп. 1. № 60. Л. 84 об.–85 об.; Библиотека Литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб., 2001 (далее – БЛДР-11). – С. 428).

⁴⁸ Ист-139/27 – 141/26.

⁴⁹ Акты социально-экономической истории. – М., 1958. Т. II. – № 284. – С. 191, 555; Маркевич А.И. О местничестве. – С. 250; он же. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. – Одесса, 1888. – С. 298; Лихачев Н.П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия императорского русского генеалогического общества. – СПб., 1900. – Вып. 1. – С. 76–77; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. – М., 1961. – С. 66–69; Kollmann N.S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. – Stanford, 1987. – P. 95–96; Зимин А.А. Формирование... – С. 169, 174; Лизунова О.Г. Дело Воронцовых и И.И. Кубенского: Из истории политической борьбы 40-х гг. XVI в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. – Москва, 13-18.05.1990 г. – М., 1990. Ч. I. – С. 154–155; Акты Российского Государства. Архивы московских монастырей и соборов: XV – начало XVII вв. / Отв. ред. В.Д. Назаров. – М., 1998. – С. 481; Ерусалимский К.Ю. Идеальный совет в «Истории о великом князе Московском» // Текст в гуманитарном знании. Материалы межвузовской науч. конф. 22–24.04.1997 г. – М., 1997. – С. 84–85.

⁵⁰ Ист-134/26 – 135/8.

⁵¹ Ист-142/18-19; Hist-219. n. 2.

⁵² Ист-144/2-4.

⁵³ О нем подробнее: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 201.

ких княжат» в числе семи храбрых и благородных мужей⁵⁴. Нет достаточных оснований полагать, что А.М. Курбский считал Морозовых, Шеиных и Салтыковых потомками «княжат решских» (от польск. *Rzesza* – Империя⁵⁵), поскольку о княжеском происхождении ни одного из семи спутников Герики-Рюрика в «Истории» не говорится, а родство с общим предком этих княжат Михаилом допустимо только из-за совпадения его имени с именем основателя рода Морозовых *Миссы*⁵⁶. К решским князьям Курбский возводит Воронцовых, Колычевых и Шереметевых⁵⁷. Тем не менее Морозовых соединяла с Рюриковичами не только древняя служба их предку, но и родство, сделавшее их к первой половине XVI века ближайшими родственниками великокняжеского дома. Двоюродная сестра деда А.М. Курбского И.И. Тучкова-Морозова была замужем за дедом царицы Анастасии Ю.З. Кошкиным⁵⁸. Общим предком Василия и Иоанна Тучков Курбский считает не Бориса Михайловича⁵⁹, а Бориса Ива-

новича (возводя его, таким образом, прямо к Ивану Морозу). С другой стороны, М. Я. Морозов женат на Е. Д. Бельской, которая «дщи князя Дмитрея Бельского, ближнего сродника Еггила короля»⁶⁰. Круг генеалогических знаний А.М. Курбского не ограничивается легендами родословцев 1540-х и летописных родословных вставок первой половины XVI в. Общей тенденцией Курбского представляется стремление выделять своих родственников. Они, согласно «Истории», не более знамениты, чем другие верные слуги Русского царства, но автору необходимо подчеркнуть именно добродетели представителей своего рода, поскольку их праведность, благородство и благочестие – ответ на упрёки Грозного («но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену учинити»⁶¹). Дед кн. Андрея Михайловича М.В. Тучков упомянут в его Третьем Послании Грозному в генеалогической справке о родстве Курбских и Морозовых с царицей Анастасией⁶². Морозовым, как и князьям Ярославским, уде-

⁵⁴ Т-639, л. 532; У-301, л. 99; Ист-143/8-13; ср.: Редкие источники по истории России. Вып. 2 / Сост. М.Е. Бычкова. – М., 1977 (далее – РИИР). – С. 59 (л. 616 об.), 120 (л. 71); Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – С. 196; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. – М., 1977. – С. 204–212; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. – М., 1975. – С. 136–138.

⁵⁵ Д.Л.И. Феннелл производит Решский непосредственно от нем. Reich, но фонетическая основа слова Решский западнославянского происхождения. О племени «Рашькаго господства» говорится в «Летописи царем сербским» (цит. по: Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. – Л., 1976. – Т. 30. – С. 206; ср.: Hist. P. 13. п. 2). Литовскими послами в июне 1566 г. упомянута «вся Реша Неметцкая» (Сборник РИО. – СПб., 1892. Т. 71. – С. 385; ср. неудачные конъектуры в издании: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). – СПб., 1851. Стб. 531).

⁵⁶ С.Б. Веселовский и М.Е. Бычкова отождествляют в представлениях Курбского некоего князя Михаила предка Колычевых и Шереметевых с Миссой Морозовым. Но князь Михаил и Мисса Морозов упомянуты в несходных контекстах; нет оснований полагать, что Курбский возводил имперских выходцев к одному прародителю; нет также оснований считать, что потомков князя Михаила и Миссы Морозова Курбский считал родственниками; недействителен аргумент, согласно которому общим предком Шереметевых и Колычевых был землевладелец XIV в. Андрей Кобыла? Курбский мог считать некоего князя Михаила, как и Миссу Морозова, одним из семи спутников Рюрика (ср.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – С. 140; Бычкова М.Е. Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А.М. Курбского. – С. 222).

⁵⁷ Ист-7/22-25, 139/30-34, 143/9; Маркевич А.И. О местничестве. – С. 399. Прим.*; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – С. 211.

⁵⁸ ПИГАК. – С. 109, 373 (л. 144 об. Прим.); Назаров В.Д. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Историческая генеалогия. Ежеквартальный научный журнал. 1993. Вып. 1. – Екатеринбург, 1993. – С. 24, 27, 31. Дети Юрия Захарьича, в результате опечатки, в таблице возведены к Василию Ляцкому (Там же. С. 31; ср.: с. 24, 27–28).

⁵⁹ Ср.: Зимин А.А. Формирование... – С. 236–237, 239; Кобрин В.Б. Третье Послание Курбского Ивану Грозному. [Комментарий] // ПИГАК. – С. 409–410. Прим. 20.

⁶⁰ Т-639, л. 534 об.; Ист-149/21-22. М.Е. Бычкова отмечает преувеличенность в генеалогических характеристиках «Истории» как в отношении Миши Прушанина, так и в случае с «королевским» происхождением Бельских, но не изучает причины этих натяжек. Нельзя согласиться, что родство с польскими королями в «Истории» указывает на выдающееся положение жертв террора по сравнению с другими жертвами в представлениях Курбского и на «тенденциозность его Истории» (ср.: Бычкова М.Е. Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А.М. Курбского. – С. 222; Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России... – С. 53).

⁶¹ ПИГАК. – С. 25 (л. 310 об.).

⁶² Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. – М., 1999. – С. 358. Прим. 18*. Предположение С.О. Шмидта о том, что приписка – «самостоятельное творчество позднейших переписчиков, склонных к подчеркиванию родства Курбских

лено эксклюзивное внимание в «Истории» – их мартиролог дополнялся автором после завершения основной работы⁶³. Курбский, повествуя о своих родственниках по материнской линии⁶⁴, ориентировался не на письменные родословцы, а скорее всего, на личные представления о значении рода и на родовую память⁶⁵.

Протасьевичи и Морозовы в московских родословных легендах XVI в. производились «из Немец», причем приезд предка Воронцовых Семена Африкановича относился к периоду Ярослава Мудрого⁶⁶. Возведение Кобылиных к немецкому предку родословцам XVI в. неизвестно⁶⁷. Причисление Воронцовых, Колычевых, Шереметевых к «княжатам Решским» «от Немецкие земли» и ссылка на приход Герика «от Немец» говорят о приверженности А.М. Курбского представлению об имперском происхождении русского княжеского рода и верхушки старомосковской знати⁶⁸.

А.М. Курбский находит в следовании добродетелям святых предков залог справедливого княжения. Прошлое в рассказах «Истории» показывает, что утверждение власти московских князей в русских землях произошло благодаря добровольной службе князей, которые происходят от общих предков с московскими или от других имперских, королевских и княжеских родов. Московские же князья одновременно пользуются услугами и нарушают права своих братьев. «История» предлагает ряд уникальных фактов и оценок, почерпнутых А.М. Курбским из неизвестных источников. Он знает об услуге князя Федора Романовича Ярославского Васи-

лию Темному в Орде. Ему известны подробности московской придворной борьбы рубежа XV–XVI вв., причем он с похвалой отзывается об отравленном при Иване III великом князе Иване Ивановиче и его сыне, задушенном в темнице «боговенчанном царе» Дмитриии Ивановиче. Курбский придерживается высокого мнения о брате Василия III Юрии. В противостоянии московских великих князей с удельными автор «Истории» явно отдает предпочтение удельным. При этом идеи, и тем более программы «возвращения» в прошлое, разрушения Русского государства, воссоздания домонгольской или «удельной» Руси в идеалах А.М. Курбского не обнаруживается.

Ярославский владыка

Иное понимание представлений А. М. Курбского историками государственной школы вызвало полемику, длящуюся до сих пор. Был ли он противником централизации? Можно ли вслед за В.О. Ключевским считать политические идеалы Курбского «археологическим пережитком», «удельным воспоминанием»? Какой объем власти русских княжат кажется Курбскому справедливым?

В Первом Послании Курбскому Иван Грозный вменил адресату в вину, что он захотел «своим изменным обычаем» быть ярославским владыкой⁶⁹. В московских посольских наказах в адрес А.М. Курбского с 1567 г. встречаются среди прочих обвинения в том, что он «учался звать вотчищем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярослав-

и Романовых», не подкрепляется изучением рукописной традиции «сборников Курбского»: никаких иных подобных примет позднего редактирования его списков не обнаруживается. Приписка встречается в генеалогически самых ранних копиях «Сборника».

⁶³ Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского... – С. 594–595.

⁶⁴ Это заставляет оспорить категоричность в той точке зрения, что «публицист постарался умолчать о своих родственниках по материнской линии и в «Истории», и в посланиях к Ивану Грозному» (Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. – С. 362). Тучковы не пострадали от террора Ивана Грозного, и в «Истории» нет сюжетов, в которых их упоминание может быть необходимым (см. также: Зимин А.А. Опричнина. – С. 223; Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 519. Прим. 22).

⁶⁵ Маркевич А.И. История местничества... – С. 452; Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / Пер. с англ. А.Б. Каменского. – М., 2001. – С. 237, 242–243.

⁶⁶ РИИР. – Вып. 2. С. 59 (л. 616 об.), 65 (л. 620 об.), 120 (л. 71), 135 (л. 100); см. также: Кузьмин А.В. Жития XIII–XIV вв. как источник по генеалогии у аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5.10.2001 г.). – М., 2002. – С. 98–100.

⁶⁷ Ср.: РИИР. Вып. 2. – С. 45 (л. 607), 150 (л. 125).

⁶⁸ В Польше был распространен – хотя и вызывал у историков критику – миф о римском происхождении Крака: «Которого некоторые из наших обманутые сходством имени ошибочно называют Грахусом и плетут никчемные басни, будто он, будучи римским изгнанником, за четыреста или, как другие полагают, за пятьсот лет до Рождества Христова Поляками правил» (Kromer M. Kronika Polska. – Sanok, 1857. – S. 59).

⁶⁹ ПИГАК. – С. 13 (л. 298 об.); Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому и русская дипломатическая документация второй половины XVI–XVII в. // Очерки феодальной России. – М., 2004. Вып. 8. – С. 116–117.

ли государити»⁷⁰, позднее – что он поддерживал кандидатуру Владимира Андреевича Старицкого на московский престол⁷¹. Московской пропагандой формировался стереотип заговорщика-изменника Курбского, преследующего далеко идущие политические планы, вплоть до стравливания христианских правителей, раскола своего бывшего отечества, покушения на власть и здоровье законного царя⁷². Образ Курбского – ярославского вотчинника появляется в посольских делах именно тогда, когда в ответ на требование выдать беглеца только потому, что он сбежал, московские дипломаты услышали от королевских представителей требование вернуть королю князей Лингвеневицей, Глинских, Бельских, Трубецких, Одоевских, Масальских и других с их семьями и владениями, а также Новгород, Псков, Великие Луки, Торопец, Смоленск, Северскую землю «и иные города»⁷³. Цена была непомерной, и для московской стороны требовалось вывести случай «Курбского с товарищи» за рамки при-

вычного спора о княжеских выездах. Поэтому к последовавшим затем обвинениям следует относиться как к дипломатической фабрикации⁷⁴. Фамилия Курбского стала нарицательным обозначением измены. В Петрозаводском списке «Слова Даниила Заточника» начала XVII века появилась даже знаменательная ошибка: вместо фразы «лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение» читается «лутче бы ми смерть, нежели Курбьскаго княжения»⁷⁵. Значит ли это, что Курбский действительно претендовал на Ярославское княжество?

Связи Курбского с Ярославлем и Ярославским уездом до 1564 г. были довольно прочными, несмотря на утрату родовых владений в Курбе⁷⁶: с осени 1547 г. он упоминается в придворной документации как представитель корпорации ярославских князей⁷⁷, входит в число тысячников по Ярославлю⁷⁸, там же у него духовный отец игумен Спасского монастыря Феодорит⁷⁹ и там же похоронен умерший от ран брат Андрея Курбского Иван⁸⁰. Подобные связи

⁷⁰ СИРИО. – Т. 71. С. 467–468, 540; ПИВЕ. – Т. II: «Выписка из Посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Ред. колл.: И. Граля и др.; Ред. тома С.О. Шмидт; Сост. Б.Н. Морозов. М.; Варшава, 1997. – С. 254 (л. 331–331 об.); РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 277 об.–279 об.; Флоря Б.Н. Новое о Грозном и Курбском // ИСССР. 1974. – № 3. – С. 143.

⁷¹ ПИГАК. – С. 104 (л. 256 об.–257 об.); ср.: РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 10, л. 457–457 об. Посольству О.М. Пушкина наказано привести яркое сравнение посягательств кн. Владимира Андреевича с борьбой Свидригайло против Ягелло. «И во многие земли Швитригайло отезжал из Литовские земли» – возможный намек на тайное участие князя Андрея в попытке переворота из-за рубежа (Карамзин Н.М. История Государства Российского. – М., 1989. Кн. 3. Примечания к IX тому. Стб. 66–67. Прим. 299). Надежным обоснованием соучастия в Москве считалось родство: «А за князем Володимиром Ондреевичем была его сестра двоюродная» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 278 об., 289–289 об.; кн. 13, л. 321–321 об.; кн. 14, л. 340–341; Флоря Б.Н. Новое о Грозном и Курбском. – С. 144–145).

⁷² Шмидт С.О. Посольские книги Российского государства XV–XVI ст. как памятник истории и культуры [1989] // Он же. Россия Ивана Грозного. – М., 1999. – С. 451.

⁷³ ПИВЕ. – Т. II. – С. 254 (л. 331–331 об.); Wijuk-Kojałowicz A. Historiae Lituanae pars altera, seu de rebus Lituorum, A coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum. Libri octo. – Antverpiae, 1669. – P. 474.

⁷⁴ В своих посланиях царю Курбский отрицал выдвинутые против него обвинения. Владимира Старицкого называл недостойным трона, выгораживал свое родство с царем по первой жене Ивана IV, службу польскому королю не считал преступлением, а участие в походах против русских земель уравнивал рассказом о том, как он миротворчески сдерживал направленные против православных насилия. Никаких заявлений о своем желании государить на Ярославле в переписке с царем и в «Истории» А.М. Курбский не делал.

⁷⁵ Мальшев В.И. Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. – М.; Л., 1948. Т. VI. – С. 194, 196; Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. – М., 2002. – С. 36.

⁷⁶ РГАДА. – Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 20, л. 303 об., 304, 304 об., 305 об. Село Курба, по межевой книге Троице-Сергиева монастыря 7064–7065 1555/56–1556/57 г., принадлежало князю И.Д. Бельскому. Благодарю С.В. Стрельникова, обратившего мое внимание на сведения данного источника.

⁷⁷ Назаров В.Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России / Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. – М., 1975. – С. 53 (л. 8).

⁷⁸ Тысячная книга... – С. 55; РГАДА. – Ф. 1209. Кн. 254, № 12, л. 1–8; Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij: Leben in Osteuropaischen Adelsgesellschaften des 16 Jahrhunderts. – Munchen, 1985. – S. 62; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб., 1992. – С. 105. Прим. 32; Кобрин В.Б. Материалы... – С. 52.

⁷⁹ Hist-274-275; Государственный архив России XVI ст. Опыт реконструкции / Подг. текста, коммент. А.А. Зимина; Под ред., предисл. Л.В. Черепнина. – М., 1978 (далее – ГАР). Ч. I. – С. 83; Ч. II. – С. 434; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... – S. 26.

⁸⁰ Надгробная плита вновь обнаружена в собрании Ярославского музея истории и архитектуры в Спасо-Преображенском монастыре Б.Н. Морозовым.

сохранялись к 1560-м годам у многих других представителей рода Ярославских князей⁸¹.

С другой стороны, принадлежность лица к тому или иному княжескому роду в Московском государстве не гарантировала получения этим лицом соответствующего общеродового титула, но при определенных условиях Курбский мог претендовать на почетное прозвище «Ярославский»⁸². Государева служба влияла на старшинство внутри княжеских корпораций⁸³. Княжеский титул не шел вровень с высоким служебно-административным положением. В июле 1566 г. Иван Грозный отказался менять пленного полоцкого воеводу С.С. Довоину на князя Василия Ивановича Темкина, поскольку Довоина «у государя своего имянной человек», «а Темкин не тое версты: служил в уделе, то селские князи»⁸⁴. Примером влияния служебного положения князя на его внутривидовой статус в правление Ивана Грозного является дело об обмене князя Семена Тюфякина на литовского князя Юрия Горского в 1582–1583 гг.⁸⁵ После подписания Ямзапольского перемирия посольство кн. Д.П. Елецкого заключило специальный устный договор с Михаилом Гарабурдой об этой сделке, но в Москве это вызвало недовольство. Причиной в значительной мере было стремление посольского ведомства завысить цену на представителя титулованной литовской знати, сравнительно редкого в русском плену. Характерна оценка княжеского статуса Тюфякина московскими экспертами: «А называетца княз Семен Оболенским, а он Тюфякин человек рядовой, а служил в ряду из города, и

отец его, и дед, и в чинех ни в которых они у нас не бывали, а хоти он и роду Оболенских, толко отдалили они от Оболенских. Мы с Оболенскими и с худыми их роду Тюфякиных ровно не держим, а то он ворует, что называетца Оболенскими. А про князя Юрья нам сказывали, что княз Юрьи Горской доброго роду вотчинные князи, а племянник пану Веленскому Остафю Воловичю, и потому князя Юрья Горского княз Семен Тюфякин и не стоит»⁸⁶. Князь Тюфякин не имел права говорить о том, что он Оболенский, поскольку его род, начиная с деда, захудал на государевой службе.

Род ярославских князей был также подвержен влиянию служебной идеологии. Старшими среди князей ярославских были потомки великого князя ярославского Александра Федоровича Пенковы⁸⁷. В Успенском синодике вечная память записана жене его сына «княгине иноке Марфе князь Данилове Александровича Ярославского» и «Пенковым Ярославским»⁸⁸. В синодике Ярославскими определены погибшие в битвах за Казань князь Александр Данилович Пенков и Петр Васильевич Засекин⁸⁹. Василий Данилович в посольских делах определялся «Пенков Ярославский»⁹⁰. Брат Василия Даниловича Иван Хомяк был женат первым браком на сестре великой княгини Елены Глинской Марии Васильевне⁹¹. Последний правнук Александра Иван Васильевич Пенков умер в 1562 г., и старшинство в роду перешло от потомков кн. Федора Васильевича Ярославского к потомкам его старшего брата кн. Ивана Васильевича (ум. в 1426 г.)⁹². Из них только млад-

⁸¹ Анхимюк Ю.В. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. – М., 1992. Вып. 2. – С. 124–127.

⁸² В Тысячной книге и Дворовой тетради фиксировалась принадлежность к региональной княжеской корпорации, которая в этих списках отличалась от родового титула конкретных лиц.

⁸³ Бенцианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. / Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 21–22.

⁸⁴ СИРИО. – Т. 71. – С. 414.

⁸⁵ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 525–526, 603–603 об., 707 об., 729–729 об.

⁸⁶ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 682 об.; сокращ. цит.: Маркевич А.И. История местничества... – С. 442. Прим. 1. Польско-литовская сторона, получившая королевский наказ ориентироваться в обмене пленными «на годность и на стан людей военных рыцерских», признала, что коморник Юрий Горский – единственный представитель литовской аристократии в русском плену, но он не состоит в родстве с паном Виленским, а его мизерные владения разорены московскими войсками (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 742–742 об., 745 об.-746).

⁸⁷ ГАР. Ч. II. С. 225; РИИР. Вып. 2. – С. 28–29 (л. 596 об.), 30–31 (л. 598), 102 (л. 36 об.), 104 (л. 40 об.); Маркевич А.И. О местничестве. – С. 135–136.

⁸⁸ ДРВ. Ч. VI. – С. 445, 447.

⁸⁹ Там же. – С. 497.

⁹⁰ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 410.

⁹¹ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. – М.; Л., 1957. – С. 298; Бычкова М.Е. Родословие князей Глинских... – С. 27; Кистерев С.Н. Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. – Вып. 1. Сб. ст. в честь члена-кор. РАН С. М. Каштанова: в 2-х ч. – М., 1997. Ч. 2. – С. 349–350.

⁹² Шульгин В.С. Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV – первой половине XVI вв. // Науч. докл. высшей школы. Исторические науки. – М., 1958. – № 4. – С. 6–8.

шие – Курбские – удерживали боярский статус, но никто из них официально не определялся «Ярославским»⁹³. Во время встречи имперских послов в 1518 г. «великим человеком» великого князя наряду с Иваном Юрьевичем Шигоной Поджогиным обозначен Иван Иванович Кубенский «Ярославский»⁹⁴. Вероятно, это только церемониальный титул, но И.И. Кубенский был племянником великого князя, его брат М.И. Кубенский опережал Курбских в разрядах, и еще Иван Грозный уничижительно напоминал Андрею Курбскому, что его отец Михаил Михайлович Курбский служил своему «дяде» Кубенскому⁹⁵. Уже живя в Речи Посполитой, А.М. Курбский узнал о гибели кн. А.Ф. Аленкина, рассказ о котором почему-то попал не в княжеский, а в дворянско-боярский мартиролог его «Истории»⁹⁶. Аленкины были также старше Курбских по родословной⁹⁷. В переговорах о выдаче А.М. Курбского принимал участие родственник Ивана Грозного кн. И.В. Сицкий, который носил титул князя Ярославского⁹⁸. Андрей Курбский мог считать, что имеет перед Иваном Сицким право первенства⁹⁹.

В историографии существует мнение о низком положении А.М. Курбского в иерархии московского двора. А.И. Маркевич указывал, что А.М. Курбский в Москве «был человек не важного места», поскольку «с ним местничался Д.М. Плещеев»¹⁰⁰. Это мнение не может быть принято. Оба случая относятся к 1552 (или 1553) и к 1556 г., когда А.М. Курбский был

юношей и (во втором случае) только стал боярином¹⁰¹, тогда как Дмитрий Иванович Плещеев, чей родственник Алексей Данилович Басманов делал карьерные успехи, сопоставимые с успехами Курбского, сам был (во втором случае) только окольным и, очевидно, стремился создать выгодный местнический случай. Результаты дел не известны, но нет оснований считать, что они как-то отрицательно сказались на стремительной карьере Курбского¹⁰². Кроме того, неверно представление о худородности Плещеевых, что признает в других местах своего исследования и сам А.И. Маркевич¹⁰³.

После бегства Курбского его род, согласно поздней местнической легенде, был понижен в московской придворной иерархии на 12 мест за измену. В местническом деле с кн. А.Н. Трубецким кн. Ф.С. Куракин 3 июня 1640 г. подал царю Михаилу челобитную, в которой пытался «утянуть» своего противника изменой и бегством в Литву его старшего брата Ю.Н. Трубецкого. Князь Юрий давал своему ближайшему родичу несомненное преимущество тем, что дядя челобитчика кн. И.С. Куракин служил с ним. Но факт измены менял дело: «А как, государь, князь Ондрей Курбской отехал в Литву при деде твоём государе нашем блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси, и после, государь, князь Ондреева отезду дед твои, государь, наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил: которого роду хотя хто мен-

⁹³ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 год. – М., 1958. – С. 58, 67; Он же. Формирование... – С. 90; Kleimola А.М. Patterns of Duma Recruitment... – P. 232–258; Кобрин В.Б. Материалы... – С. 50–52.

⁹⁴ ПДС. – Стб. 358–359.

⁹⁵ Кистерев С.Н. Князья Ярославские... – С. 352–354.

⁹⁶ Об этом см.: Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского... – С. 595.

⁹⁷ Боярство А.Ф. Жери Аленкина в 1550-е гг. упомянуто в местническом деле Квашнина с Бутурлиным, но это ошибка (Зимин А.А. Состав...; Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 247; Кобрин В.Б. Материалы... – С. 50; ср.: Маркевич А.И. О местничестве. – С. 904).

⁹⁸ И.В. Сицкий был сыном В.А. Сицкого и Анны Романовны Захарьиной, родной сестры царицы Анастасии. Родная сестра Ивана Васильевича Варвара была женой опричного кравчего Ф.А. Басманова Плещеева (Кобрин В.Б. Материалы... – С. 48, 159; Назаров В.Д. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых... – С. 24, 31).

⁹⁹ В местническом деле бояр кн. Ю.А. Сицкого с М.М. Салтыковым 1644–1646 гг. Салтыков ссылался на прежние случаи первенства перед Курбскими. При этом в челобитье отмечается, что в 7033 г. С.Ф. Сицкий был ниже Ф.М. Карамышева Курбского. Далее выдумывается уловка: якобы старший брат Федора Михайловича А.М. Курбский (на самом деле племянник) в Казанском походе 1552 г. был меньше Л.А. Салтыкова, поскольку по росписи получил золотой позднее него. Задача этого генеалогического приема была выполнима на фоне плохих знаний о прекратившемся в России роде Курбских, но первенство Федора Курбского перед Семеном Сицким не является ошибкой (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – СПб., 1857. Т. 1. – Стб. 155 (№ 48); Маркевич А.И. О местничестве. – С. 764768).

¹⁰⁰ Маркевич А.И. История местничества... – С. 298. Правильно: Д.И. Плещеев.

¹⁰¹ Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij... – S. 19; Калугин В.В. Когда родился князь Андрей Курбский // Архив Русской Истории. – М., 1995. Вып. 6. – С. 241–242.

¹⁰² Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. – С. 49 (№ 101), 52 (№ 129).

¹⁰³ Маркевич А.И. О местничестве. – С. 552–553. Прим.* со с. 552, с. 642; Он же. История местничества... – С. 311–312.

шой отедет, и того роду и у больших онят двенадцат месть; кому они были въ версту и тех указал государь быт двенадцатю места менши, и тот, государь, приговор в твоих государевых розрядех записан»¹⁰⁴. В челобитье от 16 июня 1640 г. Куракин повторяет обвинение в измене и настаивает на применении санкции царя Ивана: «пожалуй меня холопа своего безпомощнаго и безсеминаго, вели, государь, сыскают своими государевы розряды и не вели нарушит уложения деда своего блаженные памети государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и боярского приговору и нами холопи твоими почат, чтоб государь вперед изменником неповадно вам государемь изменят и не вели, государь, меня холопа своего выдат своимь государевым изменником князю Олексею Трубетцкому, вели, государь, мне на князя Олексе Трубетцкова в нашем отечестве суд дат»¹⁰⁵.

Достоверность сообщения Федора Куракина вызывает сомнение по ряду причин. Во-первых, обнаружить «уложение» Ивана IV с боярским «приговором», записанное в «государевых разрядах», ни А.И. Маркевичу, ни исследователям после него не удалось. «Да едва ли он и сохранился», – резюмирует А.И. Маркевич о приговоре¹⁰⁶. Во-вторых, семья единственного представителя рода Курбских была уничтожена вскоре после 30 апреля 1564 г.¹⁰⁷, а оставшиеся представители рода ярославских князей, по известным данным, не испытали на себе местнического понижения и продолжали конкурировать с первостепенными лицами – Годуновыми, Сабуровыми, Бутурлиными, Головиными, Салтыковыми, князьями Курлятевыми, Палецкими и др.¹⁰⁸ В-третьих, обвинения в политической измене в России после бегства Курбского не прекратились, но других обращений к «уложению» Ивана Грозного обнаружено не было. После избрания Михаила Федоровича на царство служилым людям были

прощены их «прежние вины», в том числе измена – об этом в царском указе было заявлено Куракину¹⁰⁹. Уже по этой причине обращение к уложению Ивана IV в выступлении Куракина следует рассматривать как эмоциональный призыв установить такой порядок, чтобы изменникам изменять было «неповадно».

В-четвертых, А.И. Маркевич исходил в своих построениях из того, что ссылка Куракина не была опровергнута правительством, из чего ученый сделал вывод, что она была молчаливо принята и признана верной¹¹⁰. Однако опровергнуто, или вернее отвергнуто, было все челобитье Ф.С. Куракина царским указом 11 июня 1640 г.¹¹¹, а 21 июня в царской грамоте к нему в тюрьму был дан подробный ответ на его претензии и, в частности, говорилось: «А что пишеш к нам в своей отписке про измену князя Ондрея Курбского и про приговор, которые изменяют, что те изменюю своею многие месты теряют, и тебе было о том к нам великому государю писати непригоже. Прежних великих государей указы и приговоры нам ведомы [больше твоих вычетов] и знаем [мы, кого с кем рознят и кому с кем быть]»¹¹². Никаких указаний на то, что «приговор» царя Ивана с боярами известен, здесь нет.

Наконец, особого внимания заслуживает ответ на эту реплику самого Куракина от 23 июня: «Да ко мне же холопу твоему писано про князь Андрея Курпского, что было, государь, мне холопу твоему про ваши государевы указы и приговоры писат к тебе, государю, непригоже. И мы холопи твои бьем челом и милости просим у тебя государя во отеческих делах и сылаемя на ваши государевы указы и приговоры. А мне было холопу твоему про ваши указы и приговоры ведать было от ково, тебе государю извесно. Дед мой князь Андреи Петрович каков был в летех стар и жил все при вашей государьской милости и про ваши государевы указы и приговоры все ведал»¹¹³. Что

¹⁰⁴ РГАДА. – Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 5. См. также: Маркевич А.И. О местничестве. – С. 471–472 (неточная цитата).

¹⁰⁵ РГАДА. – Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 12.

¹⁰⁶ Маркевич А.И. О местничестве. – С. 58.

¹⁰⁷ NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 3v; ср.: Маркевич А.И. История местничества... – С. 440. Прим. 1.

¹⁰⁸ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. – С. 58 (№№ 188, 189, 193), 59 (№№ 199, 203, 204), 60 (№ 207), 61 (№ 225), 63 (№№ 237, 240, 241), 64 (№№ 245, 246), 65 (№№ 255, 256, 258, 260, 262, 264), 66 (№ 267), 67 (№ 284), 70 (№ 304, 305), 74 (№ 346), 76 (№№ 360, 362), 77 (№ 376), 78 (№ 379, 380), 79 (№ 387, 388, 389).

¹⁰⁹ РГАДА. – Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 22, 23.

¹¹⁰ Маркевич А.И. О местничестве. – С. 58, 477; Он же. История местничества... – С. 285, 439.

¹¹¹ РГАДА. – Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 7–10 об., 17–18.

¹¹² Там же. – Л. 24 (в скобках указаны зачеркнутые отрывки); см. также: Маркевич А.И. О местничестве. – С. 472–474.

¹¹³ РГАДА. – Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 31, 32; см. также: Маркевич А.И. О местничестве. – С. 474–475.

именно «ведаль» кн. А.П. Куракин про указы и приговоры Ивана Грозного, сказать трудно. Важно, что его внук уловил в словах царской грамоты то, что прямо там не сказано, а именно, недоверие относительно существования «приговора»¹¹⁴. А.И. Маркевич считает, что приговор о понижении 12 местами в 1564 г. соответствует политике Ивана Грозного, и приводит в обоснование его уместности высказывания местников, что даже отъезды в уделы представителей рода приводили к потере родом «многих мест»¹¹⁵. Вывод, к которому приходит А. И. Маркевич после рассмотрения значительного числа примеров выезда московской знати за границу, не оставляет фактической основы для гипотезы о «приговоре»: «Но я не думаю, чтобы в действительности понижали род на 12 мест; это слишком много»¹¹⁶.

Достоверна в челобитной Федора Куракина оценка «хоти хто меншою одедет», точно передающая высокий статус Андрея Курбского. В своем послании А.М. Курбскому от 5 июля 1564 г. царь Иван сравнивал его с изменниками И.В. Ляцким и князем С. Ф. Бельским, ближние родственники которых сделали в Москве выдающуюся придворную карьеру¹¹⁷. В переписке Г.А. Ходкевича с московскими думными людьми литовский гетман призывал их последовать примеру Андрея Курбского, занявшего после 10-го места в Москве 2-е место (за урядом князя К.-В.К. Острожского) в Великом княжестве Литовском, на что кн. М.И. Воротынский сравнивал себя с Курбским и парировал, что изменник был в московских родах едва ли («мало») не двадцатый¹¹⁸. Г. Штаден в своих записках 1577–1578 гг. называет А.М. Курбского в ряду некогда самых могущественных

владельцев князей Русской земли – после В.А. Старицкого, И.Д. Бельского, М.И. Воротынского и Н.Р. Одоевского¹¹⁹.

Статус и самоидентификация А.М. Курбского в новом отечестве изменялись медленно. Он держался как крупный магнат, опираясь как на земельные владения, брак с представительницей магнатской фамилии, так и на авторитет эксперта по московским делам, первоклассного воеводы, высокообразованного интеллектуала¹²⁰. Одним из важнейших доказательств прав на обширные земельные владения в Польско-Литовском государстве А.М. Курбский выставлял то, что он потерял обширные земли в Русском государстве. В актовом источнике, исходившем из королевской канцелярии, обычно указывалось, что эмигрант лишился в «земле московской» имений и имущества¹²¹. Сын Андрея Михайловича Дмитрий-Миколай Курбский Ярославский указывал, что пожалования были получены его отцом перед Унией от Сигизмунда II Августа «за ярославское отечество»¹²².

Обвинения в адрес Андрея Курбского предполагают его мнимое участие в заговоре в пользу Владимира Старицкого, в результате чего в случае успеха Курбский должен был получить Ярославль. Посольский приказ показал своим обвинением, что эмигрант мог претендовать не только на независимое от Москвы Курбское государство, но и на родовое владение князей Ярославских. И своим новым титулом Андрей Михайлович как бы подтвердил эти опасения. Почему же только около 1571 г. фамилия А.М. Курбского была пополнена владельческим прозвищем «Ярославский», которое сохранилось за его потомками в Великом Княжестве Литовском?¹²³ Параллелью двойной

¹¹⁴ Впоследствии в ходе дела Куракин называет Трубецкого изменником, но на «уложение» Ивана IV больше не ссылается (РГАДА. – Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 52).

¹¹⁵ Маркевич А.И. О местничестве. – С. 477-484; Он же. История местничества... – С. 502-503.

¹¹⁶ Маркевич А.И. О местничестве. – С. 483; Он же. История местничества... – С. 439-441.

¹¹⁷ ПИГАК. – С. 27 (л. 312 об.).

¹¹⁸ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. – М.; Л., 1951. С. 266; Маркевич А.И. О местничестве. – С. 130-131; Он же. История местничества... – С. 298.

¹¹⁹ Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост., коммент. С.Ю. Шокарев. – М., 2002. – С. 35.

¹²⁰ Auerbach I. Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. – М., 1997. – P. 11–25.

¹²¹ РГАДА. – Ф. 389, оп. 1, д. 88, л. 282 об.; копия: д. 89, л. 8 (14 мая 1607 г.).

¹²² РГАДА. – Ф. 389, оп. 1, д. 115, л. 231 об. («in oppido meo feudali Kryniczyn mihi a sermo olim rege Sigismundo Augusto primo adhuc ante Unionem certis et iustis ex causis videlicet pro Jaroslaviensi patria collato»).

¹²³ А.И. Маркевич вслед за С.М. Соловьевым отмечает, что «Кн. Курбскому было поставлено в измену, что он стал называться Ярославским, будто он хотел быть Государем в Ярославле» (Маркевич А.И. О местничестве. – С. 735; Он же. История местничества... – С. 607. Прим. 1). Проблема в том, что обвинение, вышедшее из-под пера царя Ивана, носит на себе все признаки фабрикации и, помимо того, не позволяет утверждать, что Курбский «стал называться Ярославским». Нельзя согласиться с точкой зрения И. Ауэрбах, что титул «Ярославского» А.М. Курбскому

фамилии *Курбский Ярославский* оказывается титул второй жены князя – княгини Марии Юрьевны *Дубровицкой Гольшанской*, которая пользовалась родовой фамилией, хотя Гольшаны уже давно не входили в состав владений рода¹²⁴.

Придворный историограф Стефана Батория А. Гваньини в «Описании Московии» пишет, что некогда ярославская область «принадлежала ближайшему из родичей великих князей Московии, каковых московский монарх Иоанн Васильевич изгнал из их княжества и низвел до рабства, из рода которых остаются еще называющиеся *Knesi* (то есть князьями) *Jaroslawsци*, но они держат в области лишь малую часть доходов»¹²⁵. В тексте Гваньини имена Ивана IV (*Joannes Basiliades*) и Ивана III (*Joannes Basili*) не смешиваются, и в данном случае речь идет именно об Иване Грозном¹²⁶. Упоминание князей, называющих себя Ярославскими, особенно выделяется, поскольку о других княжеских родах Московского государства подобных замечаний автор не делает. Курбский в «Описании» также встречается и

фигурирует как перешедший на службу к польскому королю *Dux Curpski*, невольный виновник гибели В.В. Морозова¹²⁷. Специфический интерес к ярославским князьям и к их родовому титулу в «Описании» А. Гваньини может объясняться воздействием А.М. Курбского на интеллектуальные круги Речи Посполитой.

Титул ярославского князя закрепляется за Курбским. На Вольни уже в начале 1570-х годов он подписывается «по латыне» и «писмом полским» «*Andreas Jaroslavskij manu propria*», «*Andrzeias Jaroslawskij Kurpskij*», «*Andrej Jaroslavskij renką vlastną*», «*Andrej Jaroslavskij Kurpskij renką vlastną*»¹²⁸. Князем Ярославским его называет А. Волан в предисловии-посвящении к трактату «О свободе»¹²⁹. В своих поздних сочинениях, например, в предисловиях к богословским переводам и посланиях своим литовским корреспондентам, Курбский подписывается иногда «Андреем Ярославским»¹³⁰ или «Андреем Курбским и Ярославским»¹³¹. Именно в последнем варианте фамилия московского эмигранта закрепилась за его потомками в Великом княжестве Литовском¹³².

приписывался уже в России (*Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij... – S. 25*). Во-первых, этот вывод опирается на уникальное чтение в повести о Казанском походе Пространной разрядной книги 1605 г. (Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1978. Т. 1. – Ч. 3. – С. 428 (л. 275 об.); ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966. – С. 137–143 (л. 136 об.–147 об.)). Ю.В. Анхимюк доказывает частное и вторичное по сравнению с Государевым разрядом происхождение Разрядной книги 1605 г. и пишет: «Разряд третьего казанского похода является компиляцией текста, восходящего к «Государеву разряду» и Повести о взятии Казани, находящейся в одном сборнике с Воскресенским списком Софийской II летописи» (Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. / Дисс.... канд. ист. наук. – М., 1998. – С. 111–146, 255–257, здесь с. 121–122). Во-вторых, трудно допустить, что Курбский, приехав в 1564 г. в Речь Посполитую, на несколько лет отказался от родовой идентификации. И. Ауэрбах отмечает наиболее ранний случай подписи Курбского «Ярославским и Курпским» под 12.10.1571 г. в процессе с Гулевичами – принятая в моей работе дата должна быть исправлена с той оговоркой, что в 1571 г. Курбский оправдывался перед судом за свою двойную фамилию (*Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij... – S. 378. Anm. 8; ср.: Ерусалимский К.Ю. История одного развода... – С. 171–172. Прим. 105*).

¹²⁴ Ерусалимский К.Ю. История одного развода... – С. 151.

¹²⁵ Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат., вводная ст., коммент. Г.Г. Козловой. М., 1997. – Р. 42 (перевод мой – К.Е.).

¹²⁶ *Ibid.* Р. 14, 22, 26, 32, 34, 36, 42, 90, 92, 94. Единственный случай, который можно было бы считать исключением, относится к рассказу о строительстве Ивангорода: «*Ivanow Gorod ars, quam Joannes Basiliades Moscoviae Dux... extruxit*». Впрочем, в том же разделе Иван III поименован «*Joannes Basili*», а Иван IV – что рельефно определяет различие – «*Joannes Basiliades modernus Princeps Moscoviae*» (*Ibid.* Р. 34, 36).

¹²⁷ *Ibid.* Р. 124. Сведения о В.В. Морозове, как и другие тексты раздела «О тирании Ивана Васильевича», были украдены А. Гваньини у М. Стрыйковского, обработавшего записку А. Шлихтинга (Старостина И.П. Шлихтинг, Стрыйковский, Гваньини об опричнине: К истории создания памфлета Гваньини «О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича» // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования. Материалы XVI науч. конф. – Москва, 30-31.01.2004 г. – М., 2004. – С. 352–355; Граля И. Супершпион и ренегаты // Родина. 2004. – № 12. – С. 60–62).

¹²⁸ *Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij... – S. 378–379. Anm. 8–9.*

¹²⁹ *Volanus A. De libertate Politica sive civili libellus lectu non indignus. Cracoviae In Officina Matthiae Wirzbietae Thypographi S.R.M. 1572* (использован экземпляр: Biblioteka Czartoryskich. Muzeum Narodowe w Krakowie. Шифр: Cim. 418). I. Ark. AIVr-BI.

¹³⁰ *NM. Giessen, 1989. Bd. 3. Lfg. 14. Bl. 422v–423; БЛДР-11. С. 530, 540, 544, 554.*

¹³¹ БЛДР-11. С. 552.

¹³² См.: Ерусалимский К.Ю. Потомки А.М. Курбского // У источника / *Apud fontem*. Сб. ст. к 70-летию С.М. Каштанова. – М., 2005.

В имущественных и престижных целях Курбский действительно стал *Ярославским* в Речи Посполитой. Курбский титуловался также князем Ковельским, хотя тот же титул сохранялся за одной ветвью князей Сангушков¹³³. В посланиях Ивану Грозному Курбский подписывается «Андрей Курбский, княжа на Ковлю», избегая ярославского определения и указывая лишь фамильное и жалованное¹³⁴. Но полный титул также встречается в литовской документации¹³⁵. Посольство О.М. Пушкина, ориентируясь скорее всего на слова литовских приставов, отчитывалось в статейном списке, что 24 мая 1581 г. на дороге в Вильно «приехал встречу князь Андрей Ковельской а с ним человек з дватцат конных и с послы не говорили ничего»¹³⁶. Идет ли речь об А.М. Курбском, который затем участвовал в приеме послов? В данном случае, как и далее в посольских делах, видимо, подразумевается князь Андрей Григорьевич Сангушкович Ковельский, но посольские служащие специально поинтересовались его происхождением.

Для эмигранта были актуальны сразу три титула, но они закрепились за ним не одновременно. Они отражают особенности владетельного статуса и самосознания А.М. Курбского в Польско-Литовском государстве и, если речь идет о титуле «Курбский Ярославский», не могут быть прямо использованы для реконструкции его придворного положения и амбиций в Московском государстве. Иван Грозный подозревал беглеца в стремлении занять Ярославский престол, но это был типичный для его правления способ конструирования образа изменника. Андрей Курбский объявил в Польско-Литовском государстве, что потерял в Русском государстве ярославские владения, но из этого не следует ни то, что он осознавал себя «яро-

славским владыкой», ни то, что он стремился в перспективе им стать. Сочинения А.М. Курбского о своем бывшем отечестве представляют Святорусское царство как единую православную землю, о распаде которой не идет речи. Более того, заслугой царя Ивана и его избранной рады Курбский считает восстановление дордынского единства Руси, возвращение земель, захваченных Батыем, и восстановление городов на этих «диких полях»¹³⁷.

Впрочем, властные полномочия князей в составе единой Руси он считает необходимым расширить. Политические представления Курбского отразились на его рассуждении в «агиографическом своде» (том «Симеон Метафраст») о различиях княжеской власти в мусульманских ордах и в христианском мире. Сравнительная перспектива позволяет писателю подвести итог разрозненным соображениям. Князь обращается к царям текущего «последнего века», прегордым и немилосердным «ко своим подручным»¹³⁸, и призывает их учиться у древних царей и Христа благочинию и любви к «чиноначальникам военным» и «советникам великим» как к друзьям и братьям: «а не так, яко наши прелютые и прегордые русские цари, советников своих холопми нарицают на свою им срамоту. О беда! Хто слышал от века цареи христианьских над холопми царюющих, кроме безбожных измайльтян, бусурманских псов (подобно у них будучи в холопех наши русские княжата навькли тои презлости)! А христианские царие нарицаются, которые под собою имеют в послушенстве великих княжат и других чиновников светлых и свободных, а не холопеи, сиречь невольников...»¹³⁹. Христианское царство несовместимо с холопством, поскольку человеческое существо свободно и осветлено Богом. Рабом человек является толь-

¹³³ Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). – Київ, 1993. – С. 296 (Схема II (4)).

¹³⁴ ПИГАК. – С. 111 (л. 147), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.).

¹³⁵ РГАДА. – Ф. 389, оп. 1, л. 68, л. 157; ОР Центральной библиотеки АН Литвы. Ф. 20. ТА 103 – репродукция в кн.: Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... – S. 376–377.

¹³⁶ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 154.

¹³⁷ У-301, л. 59 об.

¹³⁸ См. также: NM. Bd. 1. Lfg. 5. Bl. 137. Anm. a.

¹³⁹ ОР ГИМ. Синодальное-219. Л. 137 об. (здесь же совпадающее с текстом «Истории» представление А.М. Курбского о том, что цари должны почитать себя главою, а советников «яко удов своих»); Владимиров П.В. Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского // Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893 г. – М., 1897. Т. 2. – С. 311; Auerbach I. Die politischen Vorstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. 1969. Bd. 17. H. 2. – S. 181–183; Eodem. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovic Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A.M. Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. – Giessen, 1990. Bd. 4. Lfg. 17. – S. 140; Лурье Я.С. Переписка... – С. 235.

ко перед Богом¹⁴⁰, и только Бога может бояться¹⁴¹. Курбскому известна идея о трех способах спасения – рабством, наймом, сыновней любовью: «ибо раб страха ради ран доброе дело творит; наемник мзды ради доброе и оугодное Богу творит; сын же любви ради, еже ко Богу и отцу заповеди его делает»¹⁴². В отношениях царя с подданными, и в первую очередь с князьями, он считал допустимыми только доверительные отношения, близкие ко второму (наем) и третьему (сыновняя любовь) способам спасения. При этом в его «Истории» неотчетливы сюжеты патримониальных отношений. А.М. Курбскому не было свойственно представление о государевых слугах как о «детях», «сиротах», ищущих отцовской любви у государя¹⁴³. Избранные советники возглавлены нетитулованными лицами, они дружат с царем, свободно наставляют его на путь душевного спасения и приносят ему пользу. Их главные конкуренты также не княжеского происхождения – это царские «шурья», дьяки и опричные лидеры. Причем как добрые, так и злые советники приближаются к трону в первую очередь благодаря дружбе, о чем в «Истории» говорится в идентичных выражениях. Сильвестр к царю просто «прииде», Адашев с Сильвестром «соединяется в общении», и вместе с митрополитом они добрых советников царю «в приязнь и в дружбу усвоят»¹⁴⁴. Злых советников во время интриг против *избранной рады* царь также приближает к себе по дружбе: «похваляет совет, и любит, и усвояет их в дружбу, и присягами

[гlossа: и клятвами] себя и их обвязует»¹⁴⁵. Братство и дружба в политическом языке Русского государства означали горизонтальные отношения, о чем свидетельствует формула «братство и приязнь» в посольском церемониале¹⁴⁶.

Разрушительно на государство повлиял не новый принцип назначения советников, а стремление царя воспользоваться им, чтобы самому и по своей воле «усвоять в дружбу» советников. А.М. Курбский считает, что на падении рады сказались как личные слабости царя, так и склонность московских великих князей к самодержавному обращению с советниками как с холопами. В глоссе к сборнику Синодальное-219 Курбский связывает московское холопство с влиянием ордынского ига, во время которого все русские князья и их люди считались рабами ханов¹⁴⁷. Привыкнув рабски подчиняться ханам, русские князья начали воспринимать и своих подданных как холопов, причем под *русскими князьями* могут подразумеваться не только московские правители. Христианский идеал, как его изображает Курбский, совсем иной. Под властью царей должны быть, по его мнению, *великие князья*. Нет оснований видеть в этом тезисе борьбу за феодально-удельные порядки. Русское государство сложилось, согласно А.М. Курбскому, вокруг равноправных «великих мест и городов»¹⁴⁸. Центральный персонаж здесь – московский царь, но его авторитет подкрепляется не за счет подавления власти великих князей и ограничения поли-

¹⁴⁰ NM. Bd. 1. Lfg. 5. Bl. 141/4-8.

¹⁴¹ Ист-133/17 – 134/1.

¹⁴² NM. Bd. 2. Lfg. 6. Bl. 183/24. Anm. g.

¹⁴³ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 277; ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 586-586 об., 604. В последнем случае категория «сирот» охватывает «боярских людей», «стрельцов», «черных людей», «жонок и робят», но она применена, чтобы отличить знатных от всех остальных в обмене пленными. В челобитных на имя царя «сиротами» пишут себя и представители знати.

¹⁴⁴ Ист-12/1-2.

¹⁴⁵ Ист-102/24-34.

¹⁴⁶ Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 482 об.

¹⁴⁷ А.А. Горский полемизирует с концепцией унижительной семантики складывающегося под ордынским влиянием понятия «холоп» в Московской Руси и считает это истолкование исключительно историографическим фактом. Автор исходит из того, что «в сфере международных отношений термин холоп использовался для обозначения зависимого правителя, «вассала»» (Горский А.А. Русь... – С. 327, 330). Однако приводимые им ранние примеры применения понятия «холоп» в Галицком летописце (сер. XIII в.), Новгородской Первой летописи старшего извода (конец XIII в.) и Московском своде (1470-е гг.) содержат как ордынскую тематику, так и выраженный мотив иерархического подчинения: монголы называют половцев унижительно холопами и конюхами, князь Даниил Романович унижен как холоп перед лицом Бату, боярин И.Д. Всеволожский служит как холоп Василия Темного в самоидентификации перед лицом Улуг-Мухаммеда. Можно ли считать случайностью, что для обозначения вассальной зависимости было выбрано понятие, содержащее подтекст наибольшего социального унижения? Глосса А.М. Курбского показывает, как представлял происхождение этого подтекста московский придворный во второй половине XVI в. (ср.: Горский А.А. Русь... – С. 323-331).

¹⁴⁸ У-301, л. 94 об.-95.

тической свободы подданных, а наоборот, при помощи усиления той и другой¹⁴⁹. Если уж подозревать Курбского в чем-то, то более показательно, что в Третьем Послании царю Ивану он сравнивает себя с царем Давидом, временно перешедшим на сторону «поганского царя» филистимлян, чтобы выступить против Саула¹⁵⁰.

Святорусская речь посполитая?

Проведенное исследование позволяет отказать от тезиса об отсутствии у А.М. Курбского собственных представлений о правах и обязанностях княжеской власти. Нет смысла искать то, чего не могло быть в XVI веке: программных манифестов, партийных уставов или политологических трактатов. Московиту, а затем русскому подданному польского короля Андрею Курбскому были известны иные способы выражения своей общественной позиции. Он высказывал ее по случаю, урывками, бессистемно, но из этого не следует, что ее не было. Его идеалы созвучны некоторым построениям ренессансных мыслителей и особенно польско-литовских идеологов¹⁵¹.

Русская земля для князя Курбского – христианская республика. По его словам, погибающие в Московском государстве от рук царя мученики посвящают себя службе «цареве своему и общей вещи [гlossa: посполитой речи] христианской верне»¹⁵². Для Курбского земля не является *государством*, он в одном ряду упоминает *речь посполитую христианскую* и *царя* и не признает тождества между властью государя и его владениями, – в отличие от Ивана IV, который заявлял неограниченные права на свое государство – землю, язык, веру, обычаи, прошлое¹⁵³. Притом что царский титул Ивана IV соблюдается Курбским довольно строго, слово *государь* / *господарь* применительно к царю Ивану встречается в «Истории» лишь в льстивых словах царских приспешников и в пыточном признании умирающего князя М.И. Воротынского¹⁵⁴. В любом случае это чужое слово не только для Курбского-обличителя тирании, но и для Курбского, рассказывающего о славных деяниях избранной рады¹⁵⁵. Тем, кто советует царю из-за частых болезней, моров и обнищания русских воинов покинуть Казань,

¹⁴⁹ Иван IV выразил в своем Первом Послании Курбскому то понимание холопства, которое сложилось в Московском государстве уже в правление Ивана III. В Послании царя в Кирилло-Белозерский монастырь мысль о праве распоряжаться своими холопами заявлена в противопоставлении социального статуса (любой из которых означает холопство перед государем) религиозному посвящению (только монах не принадлежит царю): «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?» (ПИГ. – С. 179). Иван Грозный заявлял о холопстве как о неограниченной зависимости жизни «своих людей» от воли государя: «Волен государь в своих людех, добрых государь жалует, а лихих казнит, а делитца государю с кем? А и во всех государьствах тому быти пригож, добрых государю жаловати, а лихих казнити» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 10, л. 454 об.).

¹⁵⁰ ПИГАК. – С. 108 (л. 143 об.).

¹⁵¹ В данном случае мы поддерживаем и развиваем точку зрения о комплексе представлений А.М. Курбского, который для удобства можно назвать мировоззрением или концепцией, но с некоторыми оговорками как по содержанию этого комплекса, так и по вопросу о его непротиворечивости (см.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. – С. 198–199; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. . . – С. 92–106; Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. – М., 2000. – С. 320–321).

¹⁵² Ист-192/29–32; Т-639, л. 551; ОР ГИМ. Музейское собр. № 3090. Л. 79 об.–80. Глоссы нет в У-301 и нисходящей традиции, однако эта глосса имеется в списках «Истории», передающих текст, наиболее близкий к протографу рукописной традиции. В переводе «Paradoxa» Цицерона, как верно предполагал Д. Фрайданк, в архетипе Третьего Послания Курбского царю Ивану читается «в вещи общей» для *in re publica* (ПИГАК. – С. 112; РГА литературы и искусства. Собр. Вяземских № 6040. Л. 95 (есть предлог «в», но далее «вещи общей»); Freydank D. Zwischen griechischer und lateinischer Tradition: A.M. Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung // Zeitschrift für Slawistik. 1988. Bd. 33. H. 6. – S. 811). Таким же образом у Курбского переводится *res publica* русской калькой и полонизмом в глоссах «Нового Маргарита» и в «Слове похвальном на святого Симеона Метофраста» в житийном своде (Kurbskij A.M. Novyj Margarit. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 2v. Anm. b; Bd. 3. Lfg. 14. Bl. 421v. Anm. a; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. . . – С. 319).

¹⁵³ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 50–50 об., 72, 258 об., 267 об., 269 об., 277 об.–278 об., 356 об., 368 об.–369 и др.

¹⁵⁴ Ист-101/2–4, 101/12–13, 128/23–24. Еще лишь один случай достаточно характерен: Курбский говорит, что Василий Темный был возведен на свое государство благодаря помощи ярославского князя Федора Романовича (Ист-124/9–17). Во-первых, здесь очевиден ордынский патрональный подтекст, переносимый и на понятие государство. Во-вторых, власть хана и поддержка постороннего князя в обретении московского престола Василием II задают понятие государство либо иронический контекст, если понимать его сходно с заявлениями Ивана IV, либо просто широкое значение – близкое к понятию власть – без определения отношения властителя к объектам владения.

¹⁵⁵ Нашим государем А.М. Курбский в посланиях Ивану Грозному называет польского короля, но в данном случае фиксируется персональное подданство, а не форма властвования (ПИГАК. – С. 8 (л. 8 об.), 11 (л. 136 об.), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.).)

Курбский адресует поговорку: «добре бывает кому родити, тому и кормити младенца или попечение о нем имети, сиречь хто тружался зело и болезновал о сем, тому достоило и советовати о таковых»¹⁵⁶. Земля принадлежит всем, кто о ней заботится, и может считаться *общим делом* (*res publica, rzecz pospolita*) – в свете этой интерпретации реалий «Истории» идеал распределения власти между русскими князьями и представление Курбского об империи Рюрика и его мужей могут быть сопоставлены с историей 12 польских воевод, остановивших тиранию в Польше после ухода из жизни поколения Леха¹⁵⁷. С другой стороны, взгляды Курбского подразумевают службу царя интересам христианства и в этом близки к представлению о том, что *Rex servus Reipublicae*¹⁵⁸. Курбский в чем-то даже радикальнее своих католических современников, когда сравнивает политическое устройство христианских и нехристианских государств и считает справедливое распределение власти достижимым для язычников и мусульман.

Похвала А.М. Курбского *свободам* сопоставима с разработкой концепта политической свободы в сочинениях его современников, чьи сочинения могли быть ему доступны, – Э. Роттердамского, А. Фрыч-Моджевского, С. Ожеховского, А. Ротундуса, А. Волана. Для нашей работы представляет особый интерес, что Курбский настаивает на соблюдении в республике естественных и евангельских прав. Первое из них предполагает защиту человеческой жизни и бывает известно даже в нехристианских зем-

лях¹⁵⁹, но право на защиту от власти должно особенно строго соблюдаться там, где уже распространены евангельские законы, причем любое несправедливое гонение должно встретить отпор, а гонимых Христос наставлял бежать «не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов»¹⁶⁰. В случае нерешительности гонимые могут превратиться в гонителей и отступить, «забывши и отрекшись» от христианства¹⁶¹. Аудитория, к которой обращена «История» Курбского, пользуется свободами, которые попораны в «тамошней» Русской земле: «Но что дивитесь, zde живущие издавна под свободами христианских кролеи, аки вере не подобны беда наши оные предреченные мяше?»¹⁶². Курбский обращается к королевским подданным, для многих из которых царская Русь – воплощение тиранической формы правления, а тирания предполагает неограниченную свободу князя распоряжаться жизнями своего населения¹⁶³. Но царь, по его мнению, не был тираном изначально, он стал тираном только когда присвоил себе полную свободу над царством, «зряще уже свободно на все свое царство яко помазанец божий»¹⁶⁴. Получив полную свободу действий, в том числе для «свободного хождения» по греховному «пространному и широкому пути», царь отнимает свободу у земли, попирает «свободное естество» подданных и забывает о своей обязанности освобождать христиан из вражеского плена¹⁶⁵.

Требуют осторожного отношения инвективы Курбского в адрес Московской земли, особенно когда он прославляет память жертв тер-

¹⁵⁶ Ист-66/16–21; Т-639, л. 498 об.; У-301, л. 45.

¹⁵⁷ Kromer M. Kronika Polska. – S. 57–59.

¹⁵⁸ Orzechowski S. Dyalog albo Rozmowa okolo Exequucyey Polskiey Korony. – S. 1., 1564 (экземпляр МК РГБ под шифром: Krakow s. t. 1564 - 4° Orzechowski). Ark. L II-L IIv.

¹⁵⁹ Ист-106/23 – 107/3; Т-639, л. 517; У-301, л. 72 об.

¹⁶⁰ ПИГАК. С. 108 (л. 143 об.); Ист-163/6–12; NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 2/4–22; ср.: Матф. X.23.

¹⁶¹ Ист-163/20–32; Т-639, л. 539 об.; У-301, л. 112 об.; NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 2/22 – 2v/2; ср.: Матф. V.34–37; Иак. V.12.

¹⁶² Ист-164/1-4.

¹⁶³ Эта идея была одной из самых обсуждаемых в политической мысли Речи Посполитой. Сошлемся только на некоторые примеры определения московской формы властвования как тирании в теоретических рассуждениях: Orzechowski S. Quincunx, tho iest Wzór Korony Polskiey na Cynku wystawiony. – S. 1., 1564 (экземпляр МК РГБ под шифром: Krakow s. t. 1564 – 4° Orzechowski). Ark. P-Pv; Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. – Kraków, 1906. – S. 354; Гваньини А. Описание Московии... – С. 92, 94. См. также: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. – Bern, Frankfurt / M., 1972; Флоря Б.Н. Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. – М., 1976. – С. 251–261; Grala H. Człowiek wobec władzy na Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.) // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. – Warszawa, 1997. – S. 431; Poe M.T. «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. – Ithaca; L., 2000.

¹⁶⁴ Ист-101/21–28.

¹⁶⁵ Auerbach I. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. – S. 137–138.

рора «во онои, глаголю, варварской земли, в том нашем неблагодарном отечестве»¹⁶⁶. Они не являются штампами ранней этнографии, не носят они также характера политико-правовых обобщений. Варвары у Курбского – это либо иноверные и язычники, либо «мучитель варварский царь», «грубый и прелютый варвар», также вместе со своими опричниками-кромешниками попирающий истинную веру.

Социальная позиция А.М. Курбского во многих вопросах отчетлива. Московские князья добились власти в Русской земле благодаря совместным усилиям ряда великокняжеских родов в борьбе за суверенитет. Они такие же князья-рыцари, как и прочие князья Русской земли¹⁶⁷. Органическая метафора, подчеркивающая необходимость совместного управления (царь – «глава», советники – «уды»), созвучна ренессансным политическим идеалам монархии, головой которой является царь, конечностями – советники, а низшими инстинктами – грубое простонародье¹⁶⁸. Организм распадается, если глава или другие части политического тела отклоняются от идеала умеренного и целомудренного правления, а к власти приближаются люди простые – неспособное к управ-

лению простонародье или корыстные функционеры¹⁶⁹. Разрывая органическое единство в русской знати, царь, по мнению Курбского, из ненависти к знати приближает к трону поповичей и простонародье. Резкие отзывы о влиятельности грубого простонародья и притеснении знати звучали не только в сочинениях Курбского о «московских делах», но и в борьбе князей Чарторыйских и Олельковичей-Слуцких после Люблинской унии за наследование мест в Сенате, и в борьбе «сарматской» польской знати против приближенной к королю «деревенщины»¹⁷⁰. Идеал Курбского близок к тому пониманию королевской *эзекуции* (ехекуса), которое выражено Папистом в «Диалоге» С. Ожеховского: «*Verbum enim Exequi ad habitum pertinet: non autem ad privationem*»¹⁷¹. Реформы избранной рады, по мнению Курбского, приближали московское общество к такому отношению царя к своим владениям, при котором собственность распределялась бы пропорционально служебным достижениям. Выдвижение в ряды управления простонародья рассматривается А.М. Курбским не как признак народовластия, а как способ монарха чужими руками отстранить знать от власти и

¹⁶⁶ У-301, л. 90, 96.

¹⁶⁷ Идеал христианского рыцарства, с помощью которого А.М. Курбский подчеркивает свое равенство с царем Иваном, мог восприниматься как вызов московскому государю (ПИГАК. – С. 102 (л. 139); Ист-74/29-30, 121/31. Прим. 5, 124/29-30). Право на свои титулы царь подчеркивает в противопоставлении царской власти рыцарству и упрекает Стефана Батория: «А что он пишет, будто мы то перво пишемся Иоанном, а перед тем звалися есмь Иваном Василевичем, ино то простое имя, ино он то пишет, нас укоряя. А мы не шляхотново не рыцарского роду, что нам писатис просто, а так тем именем еще писался дед наш блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Василевич всеа Русии. А простых Иванов Василевичев и божим милосердием и ныне у нас не токмо что в добрых людех, и в средних людех много» (РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 279-279 об., 280 об.). Сходное по смыслу высказывание, устанавливающее господство царя над князьями, обнаруживается во Втором Послании Грозного Курбскому: «А у батюшка, да божим милосердием и пречистые богородицы милостию, и великих чудотворцов молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковым благословением, и у меня Прозоровских было не одно сто» (ПИГАК. – С. 104 (л. 256)).

¹⁶⁸ Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М., 1987. – С. 78-79, 111 и сл.; Боден Ж. Метод легкого познания истории. – М., 2000. – С. 238 и сл., особенно с. 242; см. также: Дюби Ж. Время соборов: Искусство и общество 980?1420 годов / Пер. с фр. М.Ю. Рожновой, О.Е. Ивановой. – М., 2002. – С. 293; Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge, L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1978. Vol. 1. P. 83. Московским аналогом может считаться инвектива митрополита Макария во время суда над И.М. Висковатым в 1553/54 г.: «всякий должен знать свой чин... нога не должна думать, что она голова» (цит. по: Маркевич А.И. История местничества... – С. 556).

¹⁶⁹ Об идеальных качествах правителя Курбский рассуждает в традиции аристотелевской «Никомаховой этики» и христианского этического учения о широком греховном и узком спасительном путях в духовной жизни: Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583) / Hrsg. von Juliane Besters-Dilger unter Mitarbeit von Eckhard Weiher, Felix Keller und Heinz Miklas. Freiburg, 1995. – S. LVIII; Čññ-188–189; У-301, л. 129 об.; Т-639, л. 549 об.

¹⁷⁰ Шмидт С.О. О дьячестве в России в середине XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. – М., 1963. – С. 184-190; Богатырев С.Н. Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. – Екатеринбург; Париж, 1995. Вып. 5. – С. 69; Граля И. Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI - начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. – М., 2003. – С. 148-164, особенно с. 150 и далее.

¹⁷¹ Orzechowski S. Dyalog... – Ark. B II, C IV, E IVy, N и далее.

владений, что для мыслителя середины XVI в. не противоречит перспективе участия «все-народных человек» в обсуждении с царем и его советниками *общего дела* в тех случаях, когда дело касается всех от царя до простонародья¹⁷².

Москва для Курбского – политический центр, но кроме нее в Русской земле есть и другие «великие места и грады», также и на верховную власть имеют право как удельные московские князья, так и представители других княжеских родов. В целом, если для московских князей сохранение суверенного христианского государства отождествляется с принципом династической преемственности престола, то с точки зрения Курбского, единство страны зависит от способности правящего рода установить такие отношения с владетельными княжескими родами, которые позволяют мобилизовать все силы в борьбе с остатками ордынского ига. За пределами Русского царства наиболее опасным остатком Орды он считает Крымское ханство. В пределах страны еще более страшен «внутренний дракон» – царь Иван, обращающийся со своими подданными так же, как раньше ханы обращались с русскими князьями. Он расправляется со своими братьями и рвется к неограниченному самодержавию, основанному на личной преданности в противовес знатности, старейшинству, мудрости, совещательному управлению. Несомненный признак тирании князя – гонения на церковь – был хорошо знаком польско-литовской контрреформационной мысли и обсуждался в библейской традиции на многочисленных примерах, начиная с убийства *тираном* Каином *священника* Авеля «только за то, что он судил злобного Каина»¹⁷³.

В сочинениях Курбского воплощено представление об идеальном княжеском роде Святурского царства. Родовое единство внутри знати обеспечивается генеалогической преемственностью в трех княжеских ветвях – Рюриковичах, Гедиминовичах и князьях Решских. Первая и третья группы сложились в Киевской «Великой Руси». Властные полномочия («старшая власть») принадлежали в тот период только киевским Рюриковичам. В период татарского ига верховная власть принадлежала хану, а русские великие князья были равны между собой. Легитимные наследники Владимира Святославича и Владимира Мономаха в Русской земле князья Суздальские, после них в равной мере великие князья Рязанские, Тверские, Ярославские, Литовские, Московские и др. Трудно сказать что-то определенное о «решских князьях» и семи мужах, сопровождавших Герика-Рюрика «из Немец» в Русскую землю. Одним из семи был Михаил Морозов, которого можно отождествить с Михаилом Прушанином ранних родословных книг, но с существенной оговоркой: приход Михаила датируется у Курбского эпохой князя Рюрика. Еще шесть мужей, надо полагать, также признавались в XVI веке основателями боярских родов, но в официальных источниках следов этой легенды не обнаруживается¹⁷⁴.

История возвышения московского правящего рода, с точки зрения Курбского, это «общее дело» русской знати и особенно святых князей, которым московские князья должны следовать в своей политике. Князья-святые служили образцами не только для Андрея Курбского, но и для Ивана Грозного. В январе

¹⁷² Ист-54/32 - 55/1; Т-639, л. 493; см. также: Grala H. Człowiek wobec władzy... – S. 419–420, 427–428; понятия «народ» и «всенародство» в сочинениях Курбского рассмотрены нами специально: Ерусалимский К.Ю. «Город» и «народ» в социальных представлениях А.М. Курбского // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII вв.: История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы науч. конф. Тверь, 18–21.02.1999 г. – Тверь, 1999. – С. 117–122.

¹⁷³ Orzechowski S. Dyalog... – Ark. G IV-G IVv.

¹⁷⁴ Можно предположить, что на создание легенды о «семи мужах», пришедших с Рюриком на Русь, оказало влияние житие А. Невского, в котором перечислены шесть «мужей храбрых и сильных», поддержавших князя Александра в Невской битве: Гаврило Алексич, новгородец Збыслав Якунович, полочанин Яков, новгородец Миша, дружинник Сава и княжеский слуга Ратмир (Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. [Тексты.] С. 4–5, 21, 75, 129–130; Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. – СПб., 1995. – С. 192; ПСРЛ. – М., 2000. Т. 3. – С. 293 (л. 164–164 об.); М., 2000. Т. 4. – Ч. 1. – С. 224–225 (л. 143–143 об.); М., 2000. – Т. 6. Вып. 1. – Стб. 308–309 (л. 267 об.–268 об.); М., 2004. – Т. 23. – С. 78–79 (л. 126 об.–127); М., 2000. – Т. 24. – С. 95 (л. 135 об.–136); М., 2000. – Т. 10. С. 122; М., 2000. – Т. 15. Летописный сборник, именуемый тверскою летописью. Стб. 378–379; М., 2004. – Т. 43. – С. 93 (л. 172 об.–173); М., 2001. – Т. 7. – С. 148; Т. 21. – Ч. 1. С. 283–284 (л. 474–474 об.) и др.). Новгородца Мишу Морозовы считали своим предком. Но отразился ли на сообщении Курбского именно переосмысленный житийный сюжет, сказать трудно, тем более что многократно упомянутые Курбским Ратшичи, потомки Гаврилы Алексича, никакой генеалогической легенды от автора не устаиваются.

1557 г. суздальский архимандрит Феодорит отправляется в Константинополь с посланием и синодиком. Поминальный список открывается святыми князьями, среди которых больше всего ярославских – кн. Федор Смоленский и Ярославский и «его чада» Давид и Константин – и ни одного московского, если не считать Александра Невского (инока Алексея), признанного в Москве в 1547 г. местным покровителем и общерусским святым¹⁷⁵. Царь в Первом Послании Курбскому уподобляет себя и царицу Анастасию библейским «детям Авраама»¹⁷⁶. Бог способен сотворить из камня свои «чада». Именно это авторитетное суждение позволяет Ивану Васильевичу превратить Федора Ростиславича в защитника и покровителя своей семьи: «сего аз на суд желательне приемлю, аще и сродник вам есть, понеже бо святии видят паче по смерти праведне сотворити, и видят меж нами и вами яже от начала и доднесь, и то убо праведно разсудят»¹⁷⁷. Святой Федор, согласно сочинению царя, исцелил царицу «супротиво» стремлениям Андрея Курбского и его единомышленников¹⁷⁸.

Насмешка царя над действительностью генеалогического родства в деле молитвенного заступничества была направлена против представлений князя о чудотворном влиянии святости предков на достоинства потомков. Однако тот же грех А.М. Курбский приписывал царю¹⁷⁹. Он считал преступлением перекаладывать вины царских слуг на их предков, родствен-

ников и приближенных и отстаивал принцип личной ответственности («да не понесет сын грехов отца своего, ани отец грехов сына своего; каждый во своем греси оумрет и по своей вине понесет казнь»¹⁸⁰). В переписке с царем он, как показано выше, болезненно отреагировал на обвинение в измене, высказанное в адрес его предков, указал на их святость и на общие корни его рода и рода московских князей. В «Истории» эта мысль получила многообразное применение: если бы не содействие Федора Романовича Ярославского, Василий II не получил бы ярлык на великое княжение – таковы «службы и добротствования прародителей наших», «княжата наши Ярославские никогда же от его [Ивана IV – К.Е.] прародителей не бывали отступни», а царь их потомкам заплатил за это казнями¹⁸¹; род Морозовых равен по могуществу Рюриковичам, поскольку его прародитель Миша Морозов якобы вышел «от Немец вкупе со Гериком [глосса: с Рюриком] прародителем русских княжат»¹⁸²; кн. М.И. Воротынский заявляет, что научился у своих прародителей не чародейству, а только вере в Троицу и верной службе – и этого достаточно, чтобы оправдать себя перед царем¹⁸³; также авторитетны и святые предки враждебных России ливонских немцев, следовавшие по «узкому пути» религиозного спасения и насаждавшие в своих землях сады, виноградники и города¹⁸⁴. В Третьем Послании Курбского доказывается, что царь осрамил своих прародителей невиданными на Руси

¹⁷⁵ РГАДА. – Ф. 52, оп. 1, кн. 1, л. 97 об.–98; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. – М., 2003. – С. 188; Каштанов С.М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. В 2-х т. – М., 2004. – Т. 1. – С. 401 (№ 4), 401–402 (№ 5, 6–6).

¹⁷⁶ The Correspondence between Prince A.M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia 1564–1579 / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennell. Cambridge, 1955. P. 148–150; ПИГАК. – С. 45 (л. 330–330 об.), 402. Прим. 116.

¹⁷⁷ ПИГАК. – С. 45 (л. 330).

¹⁷⁸ В росписи кремлевского Архангельского собора изображение Федора Ростиславича встречается дважды (внутри храма и в лоджии). Е.С. Сизов обоснованно связывает факты особого внимания к ярославскому святому и его детям в московской иконописи и в переписке царя с А. Курбским (Сизов Е.С. Храм Архангела Михаила на Соборной площади Кремля // Архангельский собор Московского Кремля. – М., 2002. – С. 94–95).

¹⁷⁹ А.В. Каравашкин говорит о «своеобразном династическом детерминизме» у А.М. Курбского, который, согласно этой точке зрения, «считал, что родословная до некоторой степени предопределяет качества характера и поступки человека» (Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. – С. 168–169). Заметим, что о династиях Курбский не говорит, а из «кровопийственной» политики московских князей не выводит каких-либо генетических закономерностей. Осторожнее было бы идею *qualis pater talis filius* не распространять на взгляды Курбского (см. след. прим.; ср.: Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... – М., 2000. – С. 309).

¹⁸⁰ NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 1v/15 – 2/4.

¹⁸¹ Ист-124/17-27; У-301, л. 86; Т-639, л. 524 об.

¹⁸² Ист-139/30-34, 143/8-11; У-301, л. 96 об., 99; Т-639, л. 530 об., 532.

¹⁸³ Ист-128/17-24; У-301, л. 89; Т-639, л. 526–526 об.; ср. с цитированным выше замечанием А.М. Курбского о своих предках в Третьем Послании царю.

¹⁸⁴ Ист-96/3-12; У-301, л. 63; Т-639, л. 512–512 об.; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... – С. 401–402, 408. Прим. 81.

казнями и военными неудачами¹⁸⁵. Преклонение перед предками во всех приведенных случаях показывает, что прошлое еще воспринимается как пример для подражания, но уже не осознается как политическая актуальность.

В заключительном обращении к царю в «Истории» князь возвращается к сравнению русских правителей с израильскими царями и создает сентенцию, в которой объединены идеалы святой власти и избранной рады: «О безумный окоянный, забыл ли еси прежде тебя царей царствовавших и в Новом и в Ветхом завете, паче же прародителей твоих княжат русских святых ходящих по Христову ускому пути, сиречь мерне [глосса: целомудренне] и воздержне живущих, но обаче царствующих блаженне, яко и ты сам в покою был немало лет и добре царствовал?»¹⁸⁶. Образцами для подражания оказываются представители опальных княжеских родов. Наоборот, с точки зрения Ивана Грозного, в подвластной ему стране нет новых мучеников за веру, а святые князья покровительствуют законной власти. Происхождение князей Московских от святого (Александра Храброго, канонизированного на соборе 1547 года¹⁸⁷) подчеркивается в Степенной книге¹⁸⁸, но Иван Грозный в протокольной части своего Первого Послания Курбскому упоминает его только как «храброго великого государя Александра Невского»¹⁸⁹, а во Втором Послании ссылается на великих чудотворцев и милость Сергия Радонежского¹⁹⁰. Святые предки, заступники своих потомков, оказываются в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского покровителями несходных политических идеалов.

Претендовал ли Курбский на ограничение царской власти и был ли он выразителем социальных представлений какой-либо общественной группы? Отвечая на первый вопрос, невозможно игнорировать открытые высказывания князя о «дарах духа», обязанности правителей

созывать советы и прислушиваться к наставлениям одаренных советников¹⁹¹. Ряд косвенных фактов раскрывает самоидентификацию А.М. Курбского как политического деятеля. Он вовсе не был непритязательным слугой московского, а затем польского суверена. Князь находил в своем титуле залог владетельной самостоятельности, а службу своего рода московским князьям представлял как добровольное служение на благо христианству. Истребляемых в России князей А.М. Курбский изображал как крупных вассалов, чьи земельные владения неотъемлемы в издавна установленном распределении власти. Нарушение же прав собственности всего княжеского рода означало для него распад этого рода, отход от идеала христианской республики, обращение к тираническому правлению и варварству. Вместе с тем подобная социальная позиция могла восприниматься с той точки зрения, с которой Ж.-Ф. Мармонтель представлял местные власти во Франции эпохи Людовика XI: «Начиная с Людовика XI все эти отдельные государства были объединены в единое целое. Но крупные вассалы сохраняли еще в своих поместьях власть, которую имели в эпоху своих первых сюзеренов, а губернаторы, занявшие место этих сюзеренов, присвоили себе власть. Эти две группы создавали препятствия для королевской власти, которые необходимо было преодолеть»¹⁹². Курбский также видел в княжеской власти препятствие безграничной монархии, но не считал обязательной фронду, которую ему вполне в духе Энциклопедии приписывали некоторые исследователи. В его сочинениях заговорщики – не слуги царя против своего царя, а царь против своих слуг. Политический мир, в рамках которого мыслит Андрей Курбский идеал княжения, насыщен родством и дружбой, а обязанности царя и подданных, выраженные в «клятвах», взаимны. А.М. Курб-

¹⁸⁵ ПИГАК. – С. 113 (л. 152), 115 (л. 155).

¹⁸⁶ Ист-188/29 – 189/3; У-301, л. 129 об.; Т-639, л. 549 об.

¹⁸⁷ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). – М., 1986. – С. 170–176.

¹⁸⁸ Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Daniilovichi in Muscovite Rus' // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. – М., 1997. – Р. 397.

¹⁸⁹ ПИГАК. – С. 12 (л. 298).

¹⁹⁰ Там же. – С. 104 (л. 256). В «Истории» в связи с рассказом о происхождении Феодорита «от места Ростова славного», говорится, что оттуда же «святый Сергий провозрасте» (Ист-164/20-22).

¹⁹¹ К теме даров духа неоднократно обращается в своих сочинениях Максим Грек (Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской Духовной Академии. – Казань, 1859. – Ч. 1. – С. 271-273, 377 и сл., 388; см. также: Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... – С. 321-324).

¹⁹² Цит. по: Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. – М., 2002. – С. 58. Прим. 5.

ский не предполагает в государстве разделения личного, родового и государственного начал. Царь выбирает себе в чиновники друзей, и в определенный момент друзьями становятся злые люди; чиновниками он назначает дьяков из мстительного личного желания принизить значение вельмож; вельможи верно служат царю, православному отечеству, своим родам, христианам (за которых они гибнут), в соответствии со своими дарованиями. Из этого не следует, что А.М. Курбского не устраивают в московском обществе «частности», как раз по той причине, что он не воспринимает личные, родовые и государственные качества ни одного из действующих лиц как частность.

Согласно А.М. Курбскому, в период реформ Избранной рады сложились основы для создания империи-республики в Русской земле. После боярского правления были прекращены распри в окружении великого князя. При дворе появились мудрецы, избравшие компетентный

в государственных делах совет и подчинившие «степень» или «сан» службе. Совет упорядочил государственное устройство, установил благочестие и, подавив «внутреннего дракона», создал выгодные условия ведения войны против «внешнего дракона». Объединительная для знати роль Москвы, деперсонификация чиновничества, традиционные узы родовых межкняжеских отношений и дружба царя с одаренными советниками не составляют в этом мировоззрении противоречий. А.М. Курбский был сторонником всего комплекса мер, принятых избранными советниками, но эти меры были направлены на ограничение царской власти в том ее самодержавном понимании, которое воплотилось в опричнине. Преобразования избранной рады, согласно его «Истории», вели к осуществлению политического идеала Речи Посполитой и к расширению участия нетитулованного дворянства и всенародства в делах Святорусской империи.